

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Барнаульский юридический институт МВД России

О.В. Ермакова

ТЕОРИЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Монография

Барнаул
2023

УДК 343.231
ББК 67.522
Е 721

Рецензенты:

начальник кафедры правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел кандидат юридических наук доцент *С.Н. Шатилович*;
начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Уральского юридического института МВД России кандидат юридических наук доцент *Н.В. Голубых*.

Ермакова, Ольга Владимировна.

Теория моделирования состава преступления : монография /
Е 721 О.В. Ермакова. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2023. – 91 с.

ISBN 978-5-94552-543-6

В предлагаемой читателю работе представлена теория состава преступления, а также раскрыты проблемы создания той или иной конструкции в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ. Отдельное внимание автором уделено разработке элементов и признаков конкретных составов преступления. Представленные в данной монографии положения способствуют правильному толкованию уголовного закона, а также единообразному его построению.

Монография может быть использована образовательными организациями высшего образования системы МВД России, а также работниками правоохранительных органов, осуществляющими раскрытие и расследование преступлений (органами предварительного расследования, участковыми уполномоченными полиции, сотрудниками уголовного розыска). Кроме этого, монография может быть полезна преподавателям и научным сотрудникам образовательных и научно-исследовательских центров (организаций) МВД России.

УДК 343.231
ББК 67.522

ISBN 978-5-94552-543-6

© Барнаульский юридический институт МВД России, 2023
© Ермакова О.В., 2023

Введение

Сложность создания законов еще в XIX в. подчеркивал П.И. Люблинский, полагая, что «слово законодателя является делом, которое в совершенстве удастся только человеку *богоодаренному...*»¹ (курсив наш. – О.Е.). Безусловно, теократические воззрения на указанный процесс остались в прошлом, однако и в современном правотворчестве разработка правил образования конкретного состава преступления представляется важной, своевременной задачей, стоящей перед наукой уголовного права.

Вместе с тем в настоящее время в научной среде отсутствует общая теория создания состава преступления. Хотя необходимо отметить, что разработка самого понятия «состав преступления» активно осуществлялась еще в досоветский и советский периоды (А.Н. Трайнин, В.Н. Кудрявцев, А.А. Пионтковский и т.д.). Но до настоящего времени фактически каждый элемент не находит однозначного понимания. Особенно это проявляется при анализе объекта преступления, содержание которого в научной литературе представлено многочисленными теориями.

Анализ уголовного закона указывает на отсутствие единых правил формирования составов преступлений, поскольку схожие по определенным признакам деяния имеют разную конструкцию. В результате возникают проблемы квалификации преступлений, препятствующие применению нормы.

Представленные обстоятельства свидетельствуют о необходимости разработки четких правил и критериев, которыми должен руководствоваться законодатель при создании составов преступлений. Только в этом случае уголовный закон приобретет черты унифицированного и обоснованного нормативного правового акта.

¹ Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / под ред. В.А. Томсинова. М., 2004. С. 2.

Глава 1. Конструкция состава преступления как средство криминализации общественно опасного деяния в уголовном законе и особенности ее построения и отражения в уголовном законе

1.1. Проблемы понимания состава преступления на современном этапе развития уголовно-правовой науки

Термин «состав преступного деяния» получил свое распространение в XVIII-XIX вв. и являлся производным от немецкого слова *thatbestend* либо от латинского *corpus delicti*. При этом в современной зарубежной уголовно-правовой науке явно преобладает использование последнего термина.

Изначально как в римском праве, так и в германской литературе данный термин имел исключительно процессуальное значение, означая следы, которые оставляет преступное деяние¹. Указанное процессуальное происхождение термина «состав преступления» сохраняется и после его трансформации в отрасль уголовного материального права (начало XIX в.) даже в современных зарубежных источниках.

Несмотря на то, что российское уголовное право заимствовало учение о составе из германской теории, в русской дореволюционной научной литературе состав трактовался более глубоко и системно – как совокупность объективных и субъективных элементов². Такой подход, безусловно, является более правильным, поскольку действие и субъект, его совершивший, всегда неразрывно связаны. А «чистого», лишенного определенных субъективных черт действия как элемента состава в уголовном праве не существует³.

В советский период теория состава преступления достигает своего расцвета, что находит отражение в издании ключевых монографий. В частности, в этих работах состав понимается как совокупность объективных и субъективных признаков, с помощью которых законодатель определяет общественно опасное деяние в качестве преступления⁴.

¹ На такое значение состава преступления указывал Н.Д. Сергеевский. См.: Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая. СПб., 1910. С. 46, 217.

² См.: Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / ред.: В.С. Комиссаров, А.И. Коробеев, Хе Бинсун. СПб., 2009. С. 244.

³ См.: Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 69.

⁴ См.: Дуюнов В.К. Преступление и состав преступления как критерии и предпосылки квалификации преступлений в качестве единичных или множественности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». 2017. № 4 (31). С. 22-25.

На фоне признания состава преступления в российском уголовном праве высказываются мнения о надуманности и ненужности данной теории (масштабная критика теории состава преступления представлена А.П. Козловым). Не оспаривая важности и значимости каждой позиции, полагаем, что в случае отказа от понятия состава преступления науке будет необходима теория, которая своей «простотой и наглядностью облегчает познание юридической структуры столь сложного явления, каким является преступление»¹. Целесообразность такой замены достаточно сомнительна, тем более что уже несколько столетий доказывается эффективность ее разработки и развития.

Однако комплексных современных исследований наукой уголовного права почти не проводится, что негативно сказывается на развитии и совершенствовании уголовного законодательства. И это несмотря на то, что понимание сущности состава преступления, соотношение с преступлением, его структура выступают в настоящий момент весьма дискуссионными вопросами. Соответственно, только уяснение понятия и сущности состава преступления как центральной категории уголовного права позволит перейти на следующий уровень, заключающийся в особенностях его построения.

По своей правовой природе состав преступления следует признать конструкцией² (от лат. *constructio*). Это устройство, модель общественно опасного деяния, выступающая средством его юридического выражения в нормах уголовного закона.

Несмотря на то, что в российской науке уголовного права понятие состава преступления было единообразным в различные исторические периоды, представление о его строении менялось.

Структурно состав преступления представляет собой сложное образование, состоящее из элементов и признаков. При этом понятия «элемент» и «признак» не являются тождественными, поскольку в соответствии с лексическим значением под элементом необходимо понимать часть какого-либо сложного целого, а признак – это примета, знак, черта.

В современной науке представлена четырехэлементная структура, подразделяющая состав преступления на элементы, характеризующие объект, объективную и субъективную стороны, а также субъект преступления³.

Особого внимания заслуживают критические замечания по поводу включения в состав отдельных элементов. Например, некоторые авторы

¹ Ной И.С. Новое в трактовке основных уголовно-правовых понятий // Советское государство и право. 1982. № 7. С. 99.

² См.: Маркунцов С.А. Состав преступления и уголовно-правовой запрет как юридические конструкции // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 474-478.

³ См.: Уголовное право. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2018. С. 103.

выступают против отнесения объекта, т.е. реально существующих общественных отношений, в структуру состава преступления¹. Полагаем, что любое поведение, в т.ч. асоциальное, направлено на нарушение каких-либо отношений, соответственно, изолировать преступление и поврежденные им общественные отношения нельзя. Тем более характеристика самого акта общественно опасного деяния, существующего в реальной действительности, не обходится без привязки к конкретным отношениям, которым причиняется вред. Таким образом, четырехэлементное деление состава преступления полностью соответствует структуре реально совершенного деяния и позволяет отразить его внешнюю и внутреннюю характеристику.

В свою очередь, признаки состава преступления характеризуют сущностные особенности того или иного элемента. В научной литературе традиционной представляется их классификация на обязательные и факультативные.

Необходимость такого деления подчеркивается тем обстоятельством, что состав преступления, как бы полно и разносторонне он ни был сформирован, не может включать в себя все без исключения признаки. Определяя состав того или иного преступления, законодатель неизменно производит отбор признаков. В обратном случае состав превратился бы в детальное изложение какого-либо отдельно взятого события.

Признаки, которые проявляются в любом деянии, без которых описание преступления невозможно, относятся к числу обязательных. Если же признак проявляется лишь в отдельном деянии и не характерен для остальных случаев, то он факультативный.

Детальное исследование проблем состава преступления свидетельствует о том, что в научном сообществе достигнуто единообразие во мнениях только по количественному компоненту выделяемых элементов и их терминологическому обозначению. В свою очередь, содержание элементов и признаков, характеризующих объект преступления, объективную сторону, субъект и субъективную сторону, уже не одно десятилетие вызывает дискуссию.

Так, понимание объекта преступления представлено различными теориями, создатели которых высказывают диаметрально противоположные мнения. При этом вопросы, касающиеся объекта преступления,

¹ См.: Векленко С.В., Семченков И.П. Критический анализ объекта преступления как элемента уголовно наказуемого деяния // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 104-109. Указанные авторы также высказывают замечания относительно включения субъекта в число элементов состава. См.: Векленко С.В., Семченков И.П. Критический анализ субъекта преступления как элемента уголовно наказуемого деяния // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3 (65). С. 9-12.

нельзя сводить только к самому понятию, т.к., помимо сущности, сложности представляет его структура, а также отграничение от смежных категорий. Однако необходимо осознавать, что это уже второстепенные проблемы, решение которых будет зависеть от того, что понимать под объектом преступления.

В наиболее общем варианте объект представляет собой то, что охраняется уголовным законом и чему причиняется вред в результате совершения преступления или создается угроза причинения вреда. Иначе говоря, то, на что посягает преступление.

Стремление ученых в различные исторические периоды конкретизировать такое обобщенное понимание, наделив его конкретным содержанием, не привело к созданию единой теории, а проявилось во множестве позиций.

Так, Н.С. Таганцев под объектом понимал заповедь или норму права, нашедшую свое выражение во входящем в сферу субъективных прав, охраненном этой нормой интересе жизни¹. Представленная трактовка была подвергнута критике с тем обоснованием, что объект есть то, чему причиняется вред, а уголовно-правовая норма не подвергается негативному воздействию².

Н.Д. Сергеевский указывал на двойственность понимания объекта: во-первых, это предмет посягательства, а во-вторых, интерес всего общества, нарушаемый неисполнением соответствующего предписания закона³.

В советский период традиционно под объектом понимались общественные отношения. При этом активное использование данного понятия распространяется с Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г., где преступление понималось как нарушение общественных отношений⁴.

Трактовка «объект – общественные отношения» распространена и в современной научной литературе⁵. Однако наряду с таким понима-

¹ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Т. 1. Часть Общая. С. 484.

² См.: Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 175.

³ См.: Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая. Петроград, 1915. С. 244.

⁴ См.: Горбуза А.Д., Сухарев Е.А. Структура преступления // Вопросы совершенствования уголовно-правовых норм на современном этапе. Свердловск, 1986. С. 18. Однако впоследствии, уже в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., законодатель отошел от понятия «общественные отношения».

⁵ Винокуров В.Н. Объект преступления как двухуровневая система и квалификация деяний // Современное право. 2017. № 10. С. 131. См. также: Винокуров В.Н. Предмет отношений как видовой объект преступления и способы его установления // Современное право. 2018. № 3. С. 87-94.

нием наука уголовного права изобилует и другими концепциями: это человек¹, блага² и т.д.

Кроме того, если в советское время представление об объекте как об общественных отношениях считалось единственно верным, то в последние годы оно все чаще подвергается критике. Полагаем, даже в том случае, если однозначно под объектом понимать общественные отношения, проблема данного элемента состава этим не ограничится. В конструкции состава преступления объект должен приобрести индивидуальные черты. При этом сам закон об объекте преступления фактически не дает представления. Наглядно это проявляется при анализе Особенной части Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). В частности, в гл. 23 и 30 УК РФ законодатель употребляет термин «интересы», в гл. 19 указывается на «конституционные права и свободы» и т.д.

Проблема определения объекта преступления наглядно проявляется при анализе преступлений экстремистской направленности. При этом само по себе закрепление «экстремистских» преступлений в рамках гл. 29 УК РФ является обоснованным, что объясняется нарушением данными деяниями именно безопасности государства, нормального его функционирования.

Нельзя не обратить внимания на составы, введенные в УК РФ федеральным законом от 04.03.2022 № 32-ФЗ (ст. 207.3, 280.3, 284.2). Очевидно, что законодатель только два состава расположил в гл. 29 УК РФ. Подобное решение вызывает вопросы, поскольку и ложная информация об использовании Вооруженных Сил РФ, и действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил, нарушают основы конституционного строя и безопасность государства. Поэтому, на наш взгляд, объединение введенных составов в рамках гл. 29 УК РФ выглядит более оправданным.

Возможно, на решение законодателя повлияло указание на заведомость ложного сообщения в ст. 207-207.2 УК РФ. Однако, учитывая связь данной информации с политическими отношениями, целесообразно отнести публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ к числу экстремистских.

Следовательно, законодателю следует сформировать собственное представление относительно объекта, в соответствии с которым и отражать данный элемент состава в уголовном законе.

¹ См.: Новоселов Г.П. Актуальные вопросы учения об объекте преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 65-68.

² Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 1: Общая часть. М., 1999. С. 157.

На наш взгляд, концепция «объект – общественные отношения» в полной мере раскрывает сущность рассматриваемого элемента, соответствует характеристике общественно опасного деяния как явления социальной действительности, доступна для познания и пригодна для юридического выражения объекта в законе.

Помимо сущностного понимания объекта, сложной проблемой видится соотношение понятий «объект преступления» и «объект уголовно-правовой охраны». В научной литературе достаточное распространение получила позиция, что «объект уголовно-правовой охраны – более широкое понятие»¹. Соглашаясь с данным выводом, следует аргументировать это утверждение такими доводами: объект уголовно-правовой охраны – более глобальное понятие, содержащее те ориентиры, которые охраняются в тот или иной период нормами уголовного закона. Распределение объектов уголовно-правовой охраны в определенной последовательности оказывает решающее влияние на построение уголовного закона. В свою очередь, объект преступления – это те отношения, которым причинен вред при совершении конкретного деяния.

В качестве факультативных признаков объекта преступления традиционно в науке выделяют предмет преступления и потерпевшего².

Предмет преступления есть то, по поводу чего и в связи с чем совершается преступление³. Понимание предмета преступления, как и объекта, нельзя признать единообразным, что объясняется следующими обстоятельствами:

1. Необходимость такого признака, как предмет, длительное время научным сообществом ставилась под сомнение. Возможно, именно поэтому в научных источниках предмету уделено незначительное внимание.

В этой части полагаем, что предмет обоснованно выступает признаком именно объекта преступления, поскольку он демонстрирует, по поводу чего совершается преступление, т.е. находится с объектом в одной плоскости. По нашему мнению, именно предмет конкретизирует объект преступления, отражая размер причиненного вреда общественным отношениям. Однако указанная способность предмета проявляется не во всех преступлениях, именно поэтому данный признак состава относится к числу факультативных.

¹ См.: Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 32.

² См.: Уголовное право. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2015. С. 108.

³ По мнению А.Г. Коргулева, предмет – это материальные или нематериальные блага. См.: Коргулев А.Г. Предмет преступления в современном уголовном праве: понятие, признаки, вопросы квалификации и законодательной регламентации: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. С. 12.

2. Разновидности предметов преступления также не находят однозначного понимания.

Так, Н.И. Коржанский предлагал все предметы подразделять на материальные (предметы материального мира); родовые – человек, растения, животные, вещи; видовые – тело и психика; животные (выращенные человеком и дикие); имущество, деньги, документы, оружие и иные¹. Соглашаясь с возможностью существования расширенного перечня предметов, полагаем, ошибочно относить к его разновидностям человека, поскольку более точно и корректно в этих случаях говорить не о предмете, а о потерпевшем.

Значимость представленной Н.И. Коржанским классификации заключается в том, что предмет нельзя ограничивать вещным признаком (хотя в научной литературе такая позиция была распространена долгое время), это может быть и информация (ст. 128.1, 275-276 УК РФ), и права, присущие личности (ст. 146, 147 УК РФ), и услуги (ст. 290 УК РФ).

Широкое понимание предмета преступления актуализирует вопрос существования беспредметных преступлений, ответ на который в научной литературе представлен двумя противоположными позициями². На наш взгляд, наличие беспредметных преступлений доказывается строением самого объекта и механизмом причинения ему вреда. Преступление не во всех случаях воздействует на предмет. К примеру, при совершении публичных призывов к экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) выделение предмета преступления затруднительно. Фактически воздействию подвергается психика человека, отражение особенностей которой в рамках уголовного дела крайне затруднительно.

Кроме того, если признать необходимость предмета для любого состава преступления, значит, следует вводить данный признак в число обязательных и требовать его установления при квалификации деяния. Например, в этом случае в составе угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью появится такой признак, как психика человека, на которую направлено воздействие, что явно негативно отразится на правоприменительной деятельности, т.к. данное понятие не имеет четких критериев установления.

В этой части следует указать на сложности толкования отдельных составов преступлений, в которых предмет хоть и получил отражение,

¹ См.: Коржанский Н.И. Предмет преступления. Волгоград, 1976. С. 18-19.

² Утвердительный ответ на данный вопрос дает В.К. Глистин (см.: Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979. С. 48), аргументируя свою позицию тем, что общественное отношение не может существовать без предмета вреда. В противовес данной точке зрения Н.И. Коржанский утверждает о наличии беспредметных преступлений, в качестве примера приводя совершаемые путем бездействия. См.: Коржанский Н.И. Предмет преступления. С. 14.

но его толкование вызывает сложности. Например, в составе мошенничества отсутствует однозначный подход к определению такого предмета преступления, как право на имущество. Поскольку такое право само по себе существовать не может, оно находит закрепление в каком-либо официальном документе, используя который, виновный и получает юридическую возможность вступить во владение (наличие такой возможности в соответствии с п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» позволяет признать преступление оконченным).

Анализ судебной практики показывает, что указанный предмет преступления чаще всего имеет место при квалификации мошенничества, повлекшего лишение гражданина права на жилое помещение (предмет «право на имущество (жилое помещение)» имел место в 17 приговорах, вынесенных судами Томской области (5), Республики Алтай (3), Новосибирской области (9) по ч. 4 ст. 159 УК РФ. При этом суд в большинстве решений подробно описывает, в соответствии с какими официальными документами происходило завладение правом на имущество (например, право на имущество может содержаться в доверенности на приватизацию квартиры, договоре дарения, договоре купли-продажи¹). Подобная практика по отражению в приговоре того официального документа, в соответствии с которым виновный приобретает право на имущество, видится абсолютно верной, поскольку бездокументарно такой предмет передать нельзя. При этом в двух приговорах судом четко не указывается предмет преступления, в описательной и резолютивной части лишь упоминается, что действия виновного повлекли лишение права на жилое помещение (доля таких решений – 11,8%)². Полагаем, такая практика является неверной, поскольку предмет выступает обязательным признаком и его установление должно отражаться в вынесенном решении.

Из проанализированных 372 приговоров, вынесенных судами Алтайского края (105), Томской области (76), Республики Алтай (27), Новосибирской области (164) по ч. 1-3 ст. 159 УК РФ, наличие предмета в виде права на имущество имело место в трех преступлениях. Имуществом выступали земельные участки, а право на них содержалось в фиктивных договорах купли-продажи³.

¹ Архив Северского городского суда Томской области. Д. № 1-164/19; Архив Майминского районного суда Республики Алтай. Д. № 1-102/2018; Архив Дзержинского районного суда г. Новосибирска. Д. № 1-231/17.

² Архив Центрального районного суда г. Новосибирска. Д. № 1-297/2018; Архив Ленинского районного суда г. Барнаула. Д. № 1-171/2019.

³ См., напр.: Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула. Д. № 1-19/17.

Иное видение относительно права на имущество представлено в приговоре Михайловского районного суда Алтайского края, в соответствии с которым М. осужден по ч. 2 ст. 159 УК РФ за совершение следующих действий: путем злоупотребления доверием он завладел автомобилем «Ауди-80», не заплатив денежные средства. В приговоре суда отсутствует указание на тот документ, по которому виновный приобрел право на имущество¹. Вместе с тем очевидно, что, если никакого документа не оформлялось, предметом будет выступать не право на имущество, а автомобиль как вещь, и описание обязательных признаков состава мошенничества изначально представлено неверно.

Достаточно сложно для толкования понятие «электронные деньги» (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Закрепление такого вида предмета преступления предопределило изменение представления об имуществе в рамках составов хищений исключительно как физического предмета, что, по нашему мнению, является новым направлением, развивающим традиционное учение о формах и видах хищения.

В научной литературе в отдельных исследованиях отождествляются электронные деньги и безналичные².

Исходя из разъяснений, содержащихся в памятке Банка России, электронные денежные средства – это безналичные деньги.

Отдельными авторами данные понятия не отождествляются. Например, А.В. Архипов разделяет понятия электронные и безналичные денежные средства³.

Поддерживая обозначенную позицию, отметим, что понятие безналичных денег в законодательстве отсутствует. Однако, в соответствии со ст. 140 ГК РФ, платежным средством на территории РФ выступает рубль. При этом платежи могут осуществляться путем наличных и безналичных расчетов. Статья 861 ГК РФ определяет порядок безналичных расчетов, осуществляемых путем перевода банком денежных средств, находящихся на счете конкретного лица. Таким образом, безналичные деньги всегда «привязаны» к счету.

Иное содержание имеют электронные деньги. В Федеральном законе от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» под ними понимаются денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом другому без открытия банковского счета. Оче-

¹ Архив Михайловского районного суда Алтайского края. Д. № 1-343/18.

² Байбарин А.А., Садчикова Д.Н. Кража безналичных и электронных денег: об актуальных проблемах правоприменения // Вестник Сургутского государственного университета. 2022. № 1 (35). С. 60-68.

³ Архипов А.В. Ответственность за хищение безналичных и электронных денежных средств: новеллы законодательства // Уголовное право. 2018. № 3. С. 4-9.

видно, что в отличие от безналичных электронных деньги могут располагаться вне банковского счета в любых платежных системах.

При этом если судебная практика по безналичным денежным средствам достаточно устоявшаяся, то правовая природа электронных денег вызывает в научной литературе дискуссии. В частности, остается неясным, следует ли относить к электронным денежным средствам криптовалюту, бонусы торговых организаций и т.д.

Даже в тех немногочисленных приговорах, где имеется упоминание про данные виды предмета, они таковыми не признаются. Например, А., работая на АЗС в качестве оператора, зная о проведении акции «Топливо за бонусы», путем обмана зарегистрировала на вымышленных лиц карты лояльности и начисляла при оплате клиентами на них бонусы, которые впоследствии применяла при расчете за топливо. Судом в приговоре в качестве предмета хищения признано топливо¹.

Таким образом, необходимо уточнить статус электронных денег в национальном законодательстве.

Предмет преступления имеет особую роль при квалификации преступлений коррупционной направленности.

Например, дискуссию среди ученых-юристов вызывает толкование иного имущества как предмета взятки, т.к. оно включает в себя достаточно широкий перечень². Под иным имуществом следует понимать любое движимое или недвижимое имущество, имеющее стоимость, которая выражается в денежном эквиваленте. Из вышесказанного следует, что имущество, не представляющее собой стоимости в денежном эквиваленте, не может выступать в качестве предмета взятки. На практике вызывает сложности определение стоимости имущества, изъятого из гражданского оборота или в нем ограниченного. К такому относятся наркотические средства и психотропные вещества, а также донорские органы и др. В данном случае оценить стоимость имущества весьма проблематично ввиду отсутствия указанных предметов в продаже.

Подобная ситуация складывается при оценке уникального предмета, представляющего собой особую культурную, историческую или художественную ценность. В настоящее время не существует единого подхода к определению стоимости указанного имущества, что негативно сказывается на расследовании преступлений, связанных с взяточничеством.

¹ Приговор № 1-47/2015 Котовского городского суда. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GNUZ0dhTlGLT/> (дата обращения: 16.02.2023).

² Ермакова О.В. Недостатки законодательных конструкций составов взяточничества (ст. 290-291.2 УК РФ) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 3 (27). С. 110-113.

Помимо предмета преступления, к числу признаков, относящихся к объекту, следует относить потерпевшего. Данному признаку в научной литературе также не уделяется должного внимания, хотя в последние годы развитие получает наука виктимология, изучающая жертву преступления и даже претендующая на самостоятельность¹.

Содержание понятия «потерпевший» раскрывается в своей основе в уголовно-процессуальном законодательстве. В частности, в ст. 42 УПК РФ закрепляется, что это физическое или юридическое лицо (к слову сказать, ранее, согласно ст. 53 УПК РСФСР, потерпевшим признавалось только физическое лицо), которому преступлением причиняется вред. Однако в научной литературе обоснованно доказывается необходимость формирования собственного уголовно-правового понятия².

Достаточно сложным вопросом представляется признание потерпевшим государства. В частности, такое предложение высказывается учеными в рамках изучения освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ)³. Не отрицая того факта, что государство претерпевает вредные изменения при совершении каждого преступления, вводить его в число потерпевших не следует, поскольку в этом случае утрачивается индивидуальная определенность рассматриваемого понятия. Аналогично нельзя признать потерпевшим общество, т.е. некую неопределенную общность лиц. Если же группа обладает конкретными отличительными признаками, данные характеристики можно использовать для обозначения потерпевшего в уголовном законе. Например, в преступлениях экстремистской направленности (ст. 282 УК РФ) группа индивидуализирована определенными признаками пола, расы, национальности, вероисповедания и т.д.

В советский период признак потерпевшего относился к объекту преступления, а также к объективной стороне⁴. Ограничение его характеристики рамками объекта, наиболее распространенное в современном уголовном праве, объясняется тем обстоятельством, что потерпевший выступает участником общественных отношений, которые нарушаются совершением преступления. В отдельных случаях встречается совпадение предмета преступления и потерпевшего. Например, такая ситуация

¹ Заварыкин И.Н. Виктимологические аспекты профилактики преступлений. Барнаул, 2020. С. 5-12.

² См.: Сидоренко Э.Л. Отрицательное поведение потерпевшего как обстоятельство, влияющее на дифференциацию ответственности и индивидуализацию наказания субъекта преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 8.

³ См.: Мартыненко Н. Э. Преступления без потерпевшего: постановка проблемы // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 2 (30). С. 20-23.

⁴ См.: Потерпевший от преступления / отв. ред. П.С. Дагель, Р.И. Михеев. Владивосток, 1974. С. 23.

имеет место в преступлениях против личности, которые совершаются по поводу человека (это и есть характеристика предмета), и он же выступает потерпевшим. Однако, как уже нами отмечалось, представляется неверным человека уравнивать с предметом преступления. В остальных преступлениях наблюдается разрозненный характер предмета и потерпевшего (к примеру, предметом хищения выступает имущество, а потерпевшим – собственник или иной владелец). Исходя из представленных доводов, потерпевший есть лишь факультативный признак состава преступления.

Ввиду многочисленности и разносторонности признаков, характеризующих потерпевшего, они нуждаются в систематизации. При этом классификации могут проводиться по различным основаниям. Полагаем, что особое значение имеет систематизация признаков в зависимости от того, какие особенности личности потерпевшего следует отобразить в составе преступления. Среди таковых наиболее важными выступают те, которые характеризуют личность, его поведение и состояние.

1. Признаки, характеризующие личность потерпевшего:

– социально-демографические (пол, возраст и т.д.) (ст. 131, 134-135 УК РФ и т.д.);

– социально-ролевые (род занятий, семейно-родственное положение и т.д.) (ст. 169, 317, 156 УК РФ).

2. Признаки, характеризующие поведение потерпевшего:

– правомерное (например, выполнение потерпевшим своей законной деятельности в составе преступления, предусмотренном ст. 317 УК РФ);

– неправомерное (насилие, издевательства и иное поведение, противоречащее нормам права) (ст. 107, 113 УК РФ).

3. Признаки, характеризующие состояние потерпевшего в момент совершения преступления (например, во многих составах преступлений закрепляется беспомощное состояние потерпевшего, состояние болезни и т.д.) (ст. 124, 131-132 УК РФ).

Например, в составе преступления, предусмотренном ст. 318 УК РФ, в качестве потерпевших указаны две категории лиц: представители власти и их близкие. Подобное описание признаков потерпевшего отличается от ст. 317 УК РФ более широким содержанием, поскольку сотрудники правоохранительных органов, выступающие потерпевшими в ст. 317 УК РФ, являются только одной из разновидностей представителей власти.

Несмотря на то, что понятие представителя власти законодательно закреплено в примечании к ст. 318 УК РФ, его толкование нельзя признать однозначным.

Исходя из буквального смысла законодательного предписания, следует выделять три вида представителей власти:

1. Должностные лица правоохранительных органов. Подобная формулировка свидетельствует о том, что не любые представители правоохранительных органов относятся к числу потерпевших, а лишь обладающие статусом должностного лица (примечание 1 к ст. 285 УК РФ).

Само понятие сотрудника правоохранительного органа и перечень таковых в каком-либо нормативном правовом акте отсутствуют. В свою очередь, в научной литературе представлены точки зрения, включающие в его содержание адвокатов, нотариусов и иных лиц, обеспечивающих права граждан. Признание потерпевшими не любых сотрудников правоохранительных органов, а лишь должностных лиц значительно сужает действие уголовно-правовой нормы, исключая возможности распространения ст. 318 УК РФ на адвокатов, которые по своему юридическому оформлению относятся к некоммерческим организациям.

Отметим, что целесообразно в рамках уголовного закона выделить подобные действия по отношению к иным представителям правоохранительных органов, не являющимся должностными лицами, в отдельную норму УК РФ.

2. Должностные лица контролирующих органов.

3. Иные должностные лица, наделенные распорядительными полномочиями в отношении неподчиненных.

В этой части следует отметить, что вторая и третья разновидности представителей власти вообще отличаются неясным содержанием. В частности, перечень контролирующих органов в настоящее время отсутствует. В результате вывод о принадлежности должностного лица к контрольно-надзорным органам можно сделать только исходя из анализа нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность конкретного подразделения.

Последняя разновидность представителей власти описана в законе путем открытого перечня, оставляя правоприменителю возможность включения в данную категорию неограниченного круга лиц.

Таким образом, понятие, закрепленное в примечании к ст. 318 УК РФ, нельзя признать удачным с точки зрения однозначности изложенного предписания, в связи с чем требуется детальная проработка категорий представителей власти.

В научной литературе также предлагается классификация признаков потерпевшего по тому вреду, который причинен (физический, имущественный, моральный)¹. Не оспаривая возможности такого деления, полагаем, что в большей степени оно относится не к характеристике потерпевшего, а к преступному результату (обобщенная характеристика признаков объекта представлена в приложении 1).

¹ См.: Потерпевший от преступления. С. 24.

Такой элемент состава преступления, как объективная сторона, отражает внешнюю характеристику преступного деяния.

Обязательным признаком объективной стороны выступает деяние, способное проявляться в действии (*delictum comissionis*), бездействии (*delictum omissionis*).

А.П. Козлов выделяет три вида действия: действие-исполнение (это действие по причинению вреда), действие-способ и действие по созданию способа¹. Столь масштабное деление видов действия в рамках исследования объективной стороны состава преступления, думается, излишне по следующим причинам. Исследователя, анализирующего объективную сторону состава, фактически интересует действие по исполнению преступления и его описание в нормах закона. Действие по созданию способа более касается иной проблемы – этапов совершения преступного деяния (в нашей интерпретации механизм общественно опасного деяния). Действие-способ, несмотря на очевидную схожесть, нуждается в размежевании, поскольку действие отвечает на вопрос – что совершается, а способ – как, какими приемами и методами. Поэтому в дальнейшей части исследования, употребляя термин «действие», мы будем иметь в виду активное поведение по причинению вреда.

Бездействие есть невыполнение лицом действия, которое оно должно было и имело возможность совершить. Смешанная же форма выражения деяния как признака объективной стороны заключается в сочетании действия и бездействия.

Любая из представленных форм деяния в конструкции состава преступления наделяется конкретными признаками, позволяющими идентифицировать запрещаемое поведение.

Не отличаются простотой понимания и преступные последствия как признак объективной стороны, что связано со сложностями уяснения их правовой природы, обязательности наступления, влияния на момент окончания преступления. Правовая природа преступных последствий заключается в следующем: преступные последствия есть преступный результат (это речевые аналоги), представляющий собой вредные изменения в общественных отношениях. Таким образом, наиболее полным будет представление последствий с точки зрения двуединой правовой природы. Так, результат демонстрирует связь с деянием, а вред – с объектом преступления, отображая причиненные ему изменения.

Вред общественным отношениям имеет юридическое значение в связи с тем, что его наступление ведет к окончанию преступления. При этом весьма сложной проблемой выступает обязательность преступных последствий в составе преступления.

¹ См.: Козлов А.П. Понятие преступления. СПб., 2004. С. 201.

В научной литературе приводятся два противоположных мнения, первое из которых предполагает необязательность последствий в определенных составах (к примеру, оставление в опасности)¹, второе же – провозглашает обязательность последствий (аргументацией выступает связь последствий с объектом)².

Однозначный ответ на данную проблему следует из деления последствий на фактические и юридические, которые могут не совпадать в конструкции состава преступления. Иначе говоря, те последствия, которые всегда наступают от совершаемого в реальности деяния (фактические), могут вводиться в состав преступления и получать самостоятельное воплощение в виде признака (т.е. становиться юридическими) только по усмотрению законодателя не во всех конструкциях. Соответственно, последствия признаются лишь факультативным признаком объективной стороны.

Право законодателя варьировать юридический момент окончания преступления, передвигая его на различные этапы совершения преступного деяния, приводит к необходимости выделения различных конструкций составов оконченного преступления. Многочисленность таких конструкций объясняется временной протяженностью преступного деяния, поэтапные стадии развития которого могут объявляться оконченным преступлением.

Разработка и систематизация конструкций составов оконченных преступлений представляются актуальной задачей, поскольку, выступая средством законодательной техники, такие конструкции незаменимы для упорядочения правовой материи и построения нормативного материала.

Анализ научной литературы показывает, что большинство ученых в качестве оснований классификации предлагают следующие: особенности объективной стороны³; описание последствий преступления⁴.

Исходя из того, что любая классификация призвана систематизировать объекты в соответствии с их общими и отличительными признаками, а ее основание должно отражать целевое назначение деления, классификационным основанием составов оконченных преступлений в первую очередь необходимо признать стадии развития преступного деяния, избранные законодателем в качестве юридического момента окончания преступления. Соединение в классификационном основании

¹ См.: Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. М., 1912. С. 134.

² См.: Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 191.

³ Уголовное право. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2021. С. 109.

⁴ Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н.А. Лопашенко. СПб., 2011. С. 256.

момента юридического окончания преступления и процесса совершения преступления наиболее удачно отражает возможности законодателя создавать различные конструкции оконченного преступления, отличающиеся друг от друга моментом окончания.

Учитывая, что развитие преступления начинается с планирования, переходит в совершение деяния (действия или бездействия) и заканчивается наступлением результата, численное количество видов составов оконченного преступления должно соответствовать данным этапам.

При этом терминологическое оформление отдельных видов конструкций оконченного преступления может основываться на устоявшихся в науке уголовного права наименованиях, но только при условии совпадения смыслового содержания.

Таким образом, в зависимости от стадии развития преступления, на которой законодатель устанавливает юридический момент окончания преступления, следует выделять четыре вида состава оконченного преступления:

1) состав планирования – это состав, в котором оконченным преступлением объявляется приискание соучастников, сговор, приискание, изготовление, приспособление средств или орудий и иное умышленное создание условий путем переноса юридического момента окончания преступления на этап совершения preparatory actions.

В том случае, если законодатель использует данный состав, при его отражении в диспозиции уголовно-правовой нормы обозначаются preparatory actions, закрепленные в ч. 1 ст. 30 УК РФ. Например, приискание соучастников выступает одним из действий, входящих в понятие приготовления к преступлению, соответственно, если на данном этапе преступление законодателем объявлено в качестве оконченного (как это имеет место в составе вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления), то очевидно использование состава планирования.

Отдельное внимание среди примеров составов планирования занимают преступления, заключающиеся в организации преступной группы (сообщества, банды и т.д.). Поскольку в данных деяниях оконченным преступлением признается само объединение отдельных лиц с определенными целями, их сговор на последующее совершение преступлений, то в этом случае опять-таки имеет место состав планирования.

Принимая во внимание, что выделение в классификации составов оконченных преступлений такой разновидности, как планирование, не является традиционным и в большей степени отражает авторскую позицию, в этой части следует указать на особую ценность и уникальность таких составов. Она заключается в том, что лица еще не совершают преступления, а только готовятся их совершить в будущем;

2) усеченный – состав, в котором момент окончания преступления перенесен на начало совершения преступного деяния, а преступление признается оконченным независимо от его завершения.

Несмотря на то, что именно такое наименование состава преступления неоднократно подвергалось критике в научной литературе¹, оно наиболее точно отражает смысловое содержание, заключающееся в ограничении рамок состава оконченного преступления начальным этапом совершения деяния.

С целью того, чтобы правоприменительные органы, осуществляющие толкование уголовного закона, не допустили ошибок в признании состава преступления усеченным, законодателю следует в диспозиции акцентировать внимание на незавершенности деяния. Например, достаточно удачной видится конструкция состава разбоя, в которой деяние ограничено началом нападения, а само хищение находится за рамками состава. Данный вывод вытекает из использования формулировки «в целях хищения», которая может и не реализоваться в реальной жизни;

3) формальный – состав, в котором юридический момент окончания преступления связывается с полным совершением преступного деяния.

Поскольку и в формальном и в усеченном составах в норме закона описывается только преступное деяние, нередко правоприменительные органы допускают ошибки при определении вида состава.

К примеру, неоднозначно определение конструкции состава вымогательства. Анализируя объективную сторону указанного состава, можно сделать вывод, что такую конструкцию нельзя отнести к усеченным составам, поскольку деяние заключается в высказывании требования, осуществление которого относится не к начальному этапу, а к полному завершению деяния;

4) материальный – состав, при котором преступление признается оконченным в момент наступления преступного результата.

Сказанное не означает, что в формальном составе преступления не причиняется преступный вред. Наоборот, можно привести множество примеров формальных составов с причинением вреда (например, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, захват заложников и т.д.). Отличие заключается в том, что в формальном составе для признания деяния оконченным нет необходимости устанавливать какие-либо последствия. А в материальном составе последствия – это обязательный признак, который отражается в норме закона.

Вторым классификационным основанием выступает количество конструкций оконченного преступления, представленных в одном со-

¹ Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 137.

ставе. В рамках данной классификации следует выделять: 1) составы с использованием одной конструкции оконченного преступления (единичные конструкции оконченного преступления); 2) составы, соединяющие в себе несколько видов конструкций, с различными моментами окончания преступления (условно их можно именовать комбинированные составы).

Так, состав посредничества в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ) представляет собой совокупность состава планирования и формального состава, поскольку такая альтернативная форма преступного деяния, как передача предмета подкупа, предполагает установление юридического момента окончания на этапе совершения деяния, что соответствует формальному составу, а деяние в виде иного способствования в достижении соглашения заключается в осуществлении приготовительных действий в виде создания условий (в предложенной нами классификации такие действия относятся к составу планирования).

Состав организации занятия проституцией (ст. 241 УК РФ) образован альтернативой усеченной и формальной конструкций. Так, деяния, направленные на организацию, – это усеченный состав, поскольку будущее время организации свидетельствует о достаточности начальных действий для признания преступления оконченным. Вторая же разновидность – систематическое предоставление помещений для сексуальных действий – образует формальный состав.

Дальнейшее развитие классификации видов составов преступлений следует осуществлять на уровне уже выделенных групп (иначе говоря, по горизонтали).

Так, в рамках материальных составов по количеству преступных последствий следует выделять: 1) простой материальный состав – момент окончания которого связан только с одним последствием, заключающимся в причинении вреда только основному объекту либо только дополнительному объекту. Например, убийство сконструировано таким образом, что включается только последствие, связанное с основным объектом, охраняющим жизнь человека.

2) сложный материальный состав – при котором юридическое значение может придаваться нескольким последствиям. При этом каждое из них может отражать вред основному или дополнительному объекту.

Примером сложного материального состава, конструкция которого содержит указание на несколько последствий, каждое из которых отражает причинение вреда основному объекту, является состав умышленного уничтожения или повреждения имущества (ст. 167 УК РФ). Преступный результат в данном составе представлен совокупностью таких последствий, как уничтожение (либо повреждение) имущества и причи-

нение значительного ущерба, каждое из которых находится в плоскости основного непосредственного объекта.

Конструкции сложных материальных составов с включением последствий, относящихся к причинению вреда основному и дополнительному объекту, чаще всего используются в квалифицированных видах, когда основной состав также содержит указание на преступные последствия. Например, убийство с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ) в качестве обязательных последствий, закрепленных в основном составе, включает смерть потерпевшего, а последствий квалифицированного состава – причинение при убийстве особых физических или психических страданий потерпевшему либо особых психических страданий близким потерпевшего.

Классификация составов оконченных преступлений на уровне формальных составов также может быть продолжена в зависимости от того, включен ли преступный результат, не получивший юридического выражения, в конструкцию состава. На основе такого классификационного критерия следует выделять: 1) формальные составы, закрепляющие преступные последствия, но связывающие момент окончания лишь с угрозой их наступления; 2) формальные составы, не включающие преступные последствия.

Первая разновидность формальных составов в научной литературе получила наименование «состав опасности», поскольку, несмотря на то, что в составе описываются преступные последствия, момент окончания преступления связывается лишь с опасностью их наступления. Реального вреда для наличия оконченного преступления не требуется. Полагая, создание таких составов недостаточно обоснованно, поскольку возникают вопросы целесообразности конкретизации последствий, если законодатель все равно не определяет момент окончания деяния их наступлением. В свою очередь, конкретизация даже возможных последствий на уровне закона создаст дополнительные проблемы в правоприменении, поскольку в том случае, если была угроза для наступления других последствий (не тех, которые указаны в законе), такое преступление вменению не подлежит. В тех же случаях, когда угроза наступления конкретизированных в законе последствий в приговоре не отражена, подобное решение подлежит отмене.

Вторая разновидность формальных составов не содержит в законе указания на конкретизацию преступных последствий. Однако это не означает, что преступный вред как таковой не наступает. Наоборот, в рамках формальных составов зачастую наступают многочисленные вредные изменения, которые однако не влияют на момент окончания.

Таким образом, традиционная классификация составов преступлений по конструкции объективной стороны не отражает сущности выделяемых

видов, а сами виды представляют собой не исчерпывающий перечень, поскольку не охватывают всего многообразия законодательных возможностей установления юридического момента окончания преступления.

По нашему мнению, полное отражение конструкций составов оконченных преступлений возможно только в случае создания классификации составов по вертикали и горизонтали в соответствии с несколькими классификационными основаниями. В частности, классификация по вертикали призвана отражать возможные варианты установления момента окончания преступлений на различных отрезках совершения преступного деяния. В свою очередь, в рамках отдельных классификационных групп необходимо выделять подвиды составов преступлений в соответствии с особенностями описания момента окончания преступления.

Несомненная ценность предложенной многоуровневой классификации заключается в том, что только при разработке единого учения о видах составов, выделенных в соответствии с чёткими классификационными основаниями, возможно построение качественного законодательного материала (схематично данная классификация представлена в приложении 2).

В качестве признака объективной стороны также выделяется причинно-следственная связь между деянием и наступившими последствиями. Однако, принимая во внимание направленность данного исследования на решение проблем отражения общественно опасного деяния в нормах закона, вопросы причинной связи, устанавливаемой в рамках конкретной ситуации, мы рассматривать не будем.

И наконец, теория уголовного права в качестве факультативных признаков предлагает выделять место, время, способ, обстановку, средства и орудия. Следует отметить, что понятие ни одного из указанных признаков четко не сформулировано, вследствие чего авторы указывают на нецелесообразность существования того или иного признака.

В частности, А.П. Козлов излишним признаком считает обстановку совершения преступления, ориентируясь на лексическое значение данного термина, означающего «окружающие кого или что люди, предметы...», что, по мнению автора, полностью входит в понятие места. Аналогично автор полагает, что лишен самостоятельности такой признак, как орудия и средства, которые включаются в термин «способ»¹.

В части обстановки позволим полагать, что научное сообщество, а также законодатель придают данному признаку иное значение. Так,

¹ П.С. Данилов, напротив, предлагает обязательным признаком преступлений против военной службы признавать обстановку. См.: Данилов П.С. Система преступлений против военной службы и перспективы ее совершенствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2019. С. 17.

еще в монографиях А.Н. Трайнина обстановка определялась как атмосфера, характеризующая преступление¹. В Особенной части УК РФ обстановка как таковая не выделяется. Единственное, о чем говорится в ст. 106 УК РФ, – это о психотравмирующей ситуации. Следовательно, обстановка есть окружающие условия, состояние внешней среды, проявляющиеся при совершении преступления. И в этой интерпретации данный признак обладает несомненной самостоятельностью.

Понятие способа как таковое отсутствует. В научной литературе представлено его понимание через различные термины, такие как «прием», «метод», «средства»². Не отрицая смежности рассматриваемых понятий, полагаем, что их разделение в конструкции состава преступления целесообразно, поскольку, если способ обладает более общим содержанием и отражает, каким образом лицо совершает преступление, то средства и орудия – это то, при помощи чего происходит деяние.

Способ может иметь самостоятельное значение и не быть связанным с деянием, а может и полностью соединяться с ним. Примером первого варианта является состав похищения человека (ст. 126 УК РФ), в конструкции которого способ имеет отдельную характеристику; примером второго – применение насилия в разбое, полностью соединяющееся с самим деянием.

Возможно включение в конструкцию состава совокупности способов (например, хищение с незаконным проникновением в жилище, помещение, хранилище).

Встречаются конструкции, в которых способ одного состава может образовывать самостоятельный состав преступления. Например, насилие, предусмотренное в большинстве составов в качестве способа, образует самостоятельное деяние, предусмотренное ст. 111-117 УК РФ. Полагаем, в этом случае необходимо решать вопрос о применении правил совокупности преступлений и устанавливать объем вреда, охватываемый рамками состава преступления.

Наиболее разработанным элементом состава преступления является субъект, в качестве которого понимается лицо, совершившее преступление и способное быть подвергнутым уголовной ответственности.

Помимо общего субъекта преступления, существует понятие специального субъекта. В научной литературе под ним понимается лицо, обладающее определенными качествами; особенностями, указанными в диспозиции статьи; дополнительными признаками³. Очевидна схо-

¹ См.: Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 211.

² См.: Российское уголовное право: курс лекций. Владивосток, 1999. Т. 1. С. 324.

³ Курс советского уголовного права. Л., 1968. Т. 1. С. 389.

жесть представленных трактовок, заключающаяся в том, что это лицо, которое, помимо таких признаков, как возраст и вменяемость, должно обладать дополнительными признаками.

При этом объем дополнительных признаков специального субъекта может как расширяться, так и сужаться в отдельных составах преступлений. Например, в ст. 286 УК РФ специальный субъект определен достаточно широко – должностное лицо, а в ст. 286.1 УК РФ ограничен только сотрудниками органов внутренних дел.

Признаки специального субъекта могут быть связаны с различными характеристиками лица, совершающего преступление. Полагаем, что наиболее полно отражает данные признаки многоуровневая классификация специального субъекта, которая осуществляется в зависимости: 1) от социально-ролевой характеристики лица; 2) социально-демографической характеристики; 3) психофизических свойств и качеств; 4) наличия судимости или административного наказания.

В каждой из групп возможно деление на видовом уровне. Так, социально-ролевая характеристика может подразделяться в зависимости от рода занятий, гражданства, военной обязанности, семейно-родственных отношений с потерпевшим. Среди демографических характеристик значение имеет пол. Что касается возраста, то, полагаем, это не является признаком специального субъекта, поскольку входит в обязательный признак состава преступления.

В зависимости от психофизических качеств специальный субъект может выделяться с учетом состояния его здоровья (например, наличие у лица венерической болезни или ВИЧ-инфекции является обязательным для составов преступлений, предусмотренных ст. 121-122 УК РФ).

Наличие судимости или административного наказания как признаков специального субъекта используется в преступлениях с административной преюдицией (например, ст. 264¹ УК РФ) либо в квалифицированных составах преступлений (ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132 УК РФ).

Последним элементом состава преступления является субъективная сторона. Сложность понимания субъективной стороны объясняется тем обстоятельством, что ее характеристика в большей степени относится не к правовым наукам, а к философии, психологии и социологии.

В уголовно-правовой науке наиболее распространены следующие определения субъективной стороны: это психическое отношение лица к совершаемому преступлению; психическая деятельность лица, связанная с совершением преступления; внутренние психические процессы¹.

¹ См.: Аль-Баити Мухтар Авад Абдулла. Вина в структуре субъективной стороны преступления по уголовному праву Республики Йемен: проблемы и их решение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 10.

Применяя комплексный подход к изучению внутренней характеристики преступления, мы видим, что данный элемент должен иллюстрировать психическое отношение виновного, которое выступает отражением взаимодействия объективных условий и самой личности. Психическое отношение предполагает постановку цели, выбор средств и способов ее достижения, осуществляемые на фоне способности осознавать характер совершаемых действий и руководить ими. Особенность выбора заключается в том, что из всех возможных способов лицо избирает асоциальный способ поведения. Поэтому можно сделать вывод об асоциальности психических процессов и отношений.

Очевидно, что особенности психических процессов, протекая в сознании конкретной личности, непосредственно связаны с ней. Особенно явно эта взаимосвязь проявляется между субъективной стороной и вменяемостью. Однако содержание этого элемента состава может отражать и психическое отношение к общественным отношениям, выступающим объектом преступления, а также признакам объективной стороны.

Признаки субъективной стороны в научной литературе чаще всего представлены виной, мотивом и целью. Выделенные признаки субъективной стороны полностью соответствуют механизму общественно опасного деяния, поскольку вначале появляются мотив и цель, основанные на определенных потребностях, которые в дальнейшем переходят в планирование и исполнение деяния.

Отдельные авторы добавляют к указанным признакам еще и эмоциональное состояние¹. Однако, по нашему мнению, эмоции сопровождают психику человека, участвуя и в постановке цели, и в мотивационной сфере. Соответственно, эмоции неотделимы от таких признаков, как вина, мотив и цель, выступая их составной частью.

Формы вины различаются в зависимости от отношения виновного к последствиям (прямой умысел – предвидение последствий (даже их неизбежности) и желание наступления; косвенный умысел – предвидение, но лишь возможности и сознательное допущение либо безразличное отношение; легкомыслие – предвидение абстрактной возможности и самонадеянный расчет предотвратить последствия; небрежность – непредвидение последствий). Соответственно, в тех составах, где законодатель не отражает преступные последствия, невозможно уяснить отношение к последствиям, которые иногда даже находятся за рамками состава; отношение же к деянию в данных случаях одинаковое: лицо

¹ См.: Ермакова О.В., Ботвин И.В., Штаб О.Н., Тарасова Л.Я. и др. Преступление и состав преступления как основополагающие категории уголовного права. Барнаул, 2019. С. 76.

желает совершения такого действия (бездействия). Соответственно, в таких конструкциях возможен только прямой умысел. В тех конструкциях, в которых законодатель описывает преступные последствия (это материальный состав), возможны проявления любой разновидности вины в силу различий отношения виновного к данным последствиям.

Факультативные признаки субъективной стороны состава преступления представлены мотивом и целью. Понятие мотива преступления в принципе можно признать общепризнанным – это побуждение к совершению преступления, которое становится его движущей силой¹.

Цель при характеристике вины выражается в желании лица, внутреннем стремлении к чему-либо. Мотив и цель не являются синонимичными понятиями, поскольку мотив отражает внутренние побуждения лица, а цель – это тот результат, к которому стремится виновный².

К примеру, для любого хищения, исходя из примечания 1 к ст. 158 УК РФ, обязательным признаком выступает корыстная цель. При этом мотив хищения в уголовном законе не указан.

Как показывает анализ судебной практики (334 приговора, вынесенных судами Алтайского края (188), Томской области (64), Новосибирской области (82) по преступлениям, предусмотренным ст. 158-162 УК РФ), а также материалов 21 уголовного дела, находящегося в производстве органов расследования отделов полиции № 4 и № 5 Управления МВД России по г. Барнаулу, мотив совершения хищения чаще всего является корыстным. В 27 приговорах и 2 обвинительных заключениях мотив отдельно не выделялся. В 14 приговорах отсутствовало указание на цель, вместо этого описан только мотив³. Полагаем, подмена мотива и цели является недопустимой, нивелирует самостоятельность указанных признаков, а также противоречит избранным законодателем обязательным признакам хищения. По результатам проведенного анализа материалов уголовных дел, доля решений с неустановлением цели как обязательного признака хищений составила 3,9%.

Вместе с тем нельзя отрицать возможности и других мотивов при совершении рассматриваемых преступлений. Так, нередко движущей силой преступного поведения выступает удовлетворение патологической потребности в наркотических средствах, алкогольных напитках,

¹ См.: Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань, 1982.

² См.: Максимов С.В. Цель в уголовном праве: методологические аспекты / отв. ред. А.И. Чучаев. Ульяновск, 2020; Турышев А.А. Корыстный мотив преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 3. С. 17-21.

³ См., напр.: Архив мировых судей судебного участка № 1 Железнодорожного района г. Барнаула. Д. № 1-12/2019; Архив Октябрьского районного г. Барнаула. Д. № 1-206/2017.

ложно понятые интересы дружбы, стремление к самоутверждению (особенно в среде несовершеннолетних) и другие мотивы.

Мотивы и цели как признаки состава преступления производны от мотивов и целей общественно опасного деяния, совершаемого в реальной жизни, поэтому при решении вопроса их включения в конструкцию состава следует осуществить анализ соответствующего вида общественно опасных деяний.

Каждый элемент состава преступления обладает социальным характером. Так, объект отражает конкретные социальные ценности, существующие в определенном обществе; совершаемое деяние должно затрагивать интересы общества; наступившие последствия – причинять вред таким общественным отношениям; субъект – это человек как представитель социума; субъективная сторона – отношение лица к нарушению социальных благ.

Состав преступления – это не просто совокупность, а строгая система признаков, отражающая характерные для преступления внутренние связи. При этом все признаки состава преступления находятся в диалектическом единстве, оказывая непосредственное влияние друг на друга.

Рассмотренное понятие является общим составом преступления, количество и характеристика обязательных признаков которого не зависят от вида преступления. Составы преступлений определенного вида именуются конкретными. Число признаков общего состава преступления всегда будет более узким, чем признаки конкретных составов, поскольку законодатель может включить дополнительные признаки, присущие именно этой группе составов. И наконец, число признаков конкретного вида состава преступления всегда будет меньше, чем число признаков, характеризующих конкретное, индивидуальное общественно опасное деяние, т.к. одно преступление всегда не похоже на другое.

Конкретные составы преступлений отличаются разнообразием конструкций, что вызывает необходимость их классификации (одна из классификаций была рассмотрена в рамках анализа объективной стороны).

А.Н. Трайнин предлагал классифицировать составы по конструкции на простые (описательные и бланкетные) и сложные (составы с двумя действиями, альтернативные, с двойной формой вины, двуобъектные)¹.

По нашему мнению, в предложенной классификации возможна конкретизация классификационных оснований. Так, по сложности отражения элементов состава преступления видовые группы подразделяются на единичные и сложные. В единичном составе все элементы состава, а также характеризующие признаки представлены в единичном выраже-

¹ Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 142-143, 146.

нии (один объект, деяние, последствие, форма вины, субъект). В сложном составе наблюдается многоэлементность состава преступления. Например, к числу таких составов следует относить двуобъектные; с альтернативными действиями; в которых деяние представлено в виде операции или деятельности; с несколькими последствиями; многосубъектные; с двойной формой вины; составы с альтернативными конструкциями.

Что касается классификации по способу описания элементов состава, производящей их деление на описательные и бланкетные, то, по нашему мнению, данная классификация не может иметь места, поскольку состав представляет совокупность элементов и признаков, описание каждого из которых может существенно отличаться.

Состав преступления выступает прообразом реально существующих общественно опасных деяний, поскольку элементы состава преступления соответствуют признакам конкретно совершенного человеческого поступка. Именно поэтому нельзя сводить состав преступления к искусственной модели, набору признаков¹. Как верно отмечает А.А. Тер-Акопов, «если бы состав преступления существовал только как описание преступления в законе и отсутствовал в конкретном совершенном деянии, то никогда не возможно было бы осуществить квалификацию преступления»². В конкретном акте преступного поведения элементы состава преступления воспроизводятся в определенной последовательности.

Следовательно, можно утверждать, что состав преступления проявляется в совершаемом человеком поступке, при этом его реализация происходит в определенной последовательности. Первично проявляется субъект преступления, который, обладая определенными социальными и психологическими особенностями, при взаимодействии с объективной действительностью реализует признаки субъективной стороны.

Совершая конкретные действия, а в ряде случаев воздействуя на предмет преступления, данное лицо посягает на определенные общественные отношения, причиняя им вред либо создавая угрозу такого вреда, тем самым воплощаются в действительность объективные признаки состава преступления.

Однако необходимо иметь в виду, что нельзя утверждать идентичность признаков состава преступления и общественно опасного деяния. Понятие общественно опасного деяния представляется более широким.

¹ На упрощенность понимания состава преступления как исключительно совокупности признаков указывается в научной литературе. См.: Лун Чанхай. Учение о составе преступления по уголовному праву КНР и России: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. С. 26.

² Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003. С. 23.

Признаки, характеризующие каждое конкретное деяние, с одной стороны, уникальны и не повторяются в другом акте, а с другой – разнообразны, т.к. отражают все сущностные особенности. Состав же преступления всегда ограничен в своем содержании определенной системой признаков, количественное выражение которых не может соответствовать общественно опасному деянию.

Отсюда верным представляется следующее логическое умозаключение: каждый признак состава преступления есть признак, присущий общественно опасному деянию как акту поведения человека (поскольку только признаки, отраженные в том или ином виде деяний, именно для этой группы могут выступать в качестве обязательных); однако не все признаки реально совершаемого деяния есть признаки состава преступления.

При этом часть признаков состава преступления закрепляется в уголовно-правовой норме Особенной части (например, это признаки преступного деяния, последствия), отдельные же признаки растворены в положениях Общей части УК РФ. В частности, признаки общего субъекта преступления (вменяемость, возраст) вообще не оговариваются в нормах Особенной части, в связи с чем представляется недостаточно точным предложенное в научной литературе ограничение признаков состава преступления рамками уголовно-правовой нормы.

Конструкция состава преступления неразрывно связана с формально-материальным учением о преступлении, а если точнее, она основывается на правовом определении преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ).

Такая связь преступления и состава преступления порождает сложную проблему соотношения данных понятий¹. Существование поставленной проблемы объясняется следующими обстоятельствами: во-первых, не ясна природа состава преступления; во-вторых, нет четкого понимания в структуре самого преступления; в-третьих, в учебниках по уголовному праву преступление и состав преступления обычно преподносятся как нечто разное².

Полагаем, что рассматриваемые понятия отражают одно и то же явление – общественно опасное деяние, но с разных сторон. Понятие преступления раскрывает его сущность, социальный характер. Понятие состава преступления выступает юридической оболочкой преступления,

¹ Данная проблема рассматривалась в следующих работах. См.: Ситникова А.И. Законодательная текстология уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 16; Лопашенко Н.А. Соотношение преступления и состава преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: мат-лы междунар. науч.-практ. конф-ции / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2007. С. 133.

² См.: Уголовное право. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2015. С. 87.

показывает его структуру¹. Соответственно, преступление и состав преступления существуют в неразрывном единстве, соотносясь между собой как форма (состав преступления) и его содержание (преступление).

Если понятие преступления содержит ответ на вопрос, какие действия из необозримой массы человеческих поступков законодатель может объявить преступными, то понятие состава преступления отвечает на подчиненный, но очень важный вопрос, какими конкретными признаками должно обладать определенное человеческое поведение, чтобы быть преступным.

Многофункциональность состава преступления проявляется в том, что он является средством отражения общественно опасного деяния в нормах уголовного закона; определяет основание уголовной ответственности; необходим для квалификации преступления и разграничения деяний между собой. Кроме того, посредством состава преступления законодатель усиливает или уменьшает уголовную ответственность, ограничивает или, наоборот, расширяет ее содержание, т.е. состав есть средство, при помощи которого в законе олицетворяется отношение общества к тому или иному поведению.

1.2. Создание конкретного состава преступления: понятие, этапы, правила осуществления

Состав преступления представляет собой модель, которая отображает признаки деяний определенного вида. При этом любая модель есть искусственно созданный объект в виде схем, чертежей, формул, конструкции². Иначе говоря, модель состава преступления является прообразом определенной группы общественно опасных деяний одного вида, соединяющим в себе черты, присущие этой общности. Однако, принимая во внимание разнообразие вариаций составов преступлений, считаем, что требуется общая концепция моделирования, позволяющая не только создавать единообразные конструкции, но и оценивать, строить научно обоснованные прогнозы эффективности их применения.

Необходимость метода моделирования в прошлом столетии была обоснована в криминологической и криминалистической науке³. При

¹ См.: Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы ... С. 24. Понимание состава как скелета преступления, его структуры также приводится и в других работах. См.: Николаев К.Д. Содержание понятия «состав преступления» // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2018. № 4 (28). С. 79-84.

² Новый толковый словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М., 2020.

³ См.: Криминалистика: учебник / под ред. Н.П. Яблокова. М., 1996. С. 88; Вичин С.Е. Моделирование в криминологии. М., 1973. С. 23.

этом выделяются различные виды моделей: описательные, схематические, знаковые, количественные и качественные, статические и динамические.

Применительно к уголовному праву большинство моделей относятся к описательным, поскольку они с точностью отражают воспроизводимое явление; по своей сущности их можно отнести к разряду качественных, т.к. они не содержат цифровых данных, но дают представление о взаимосвязи различных явлений (в нашем случае элементов состава преступления); и наконец, если модели механизма общественно опасного деяния следует отнести к динамическим моделям, то конструкция состава преступления выступает статической разновидностью.

Понятие «моделирование» состава преступления нельзя отнести к числу распространенных, значительно чаще употребляется термин «конструирование». Выступая, по своей сути, синонимами, они отражают процесс создания состава преступления. Однако лексическое значение термина «конструирование» предполагает создание, построение чего-нибудь. Понятие же «моделирование» – это не только построение, но и анализ моделей реально существующих объектов.

Соответственно, термин «моделирование» не только обозначает сам процесс создания состава преступления, но и связывает создаваемую модель с оригиналом, в качестве которого выступает общественно опасное деяние. Представленный вывод не означает ошибочность либо недопустимость понятия «конструирование». Напротив, полагаем, что указанные термины выступают смысловыми аналогами.

С одной стороны, составы преступлений создаются законодателем, и потому этот процесс является составной частью правотворческой деятельности. В этой части следует отметить, что между моделированием и правотворчеством связующим звеном выступает криминализация. Именно поэтому в научной литературе и указывается на вопрос соотношения данных понятий¹.

Криминализация включает в себя принятие решения относительно объявления деяния преступным и его отражение в нормах уголовного закона посредством создания конструкции состава преступления. Очевидно, второй блок криминализации – это и есть моделирование состава преступления, осуществление которого не включает в себя принятия решения о преступности деяния. На основании изложенного моделирование выступает составной частью криминализации, а также всей правотворческой деятельности, при этом его содержание ограничено

¹ См.: Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 24, 33.

исключительно созданием конструкции состава преступления и ее отражением в нормах уголовного закона.

С другой стороны, в процессе моделирования задействуется законодательно-технический инструментарий для оптимального отражения принятого в процессе криминализации решения, в связи с чем можно утверждать, что моделирование составов преступлений осуществляется при помощи законодательной техники.

В научной литературе предлагаются различные формулировки понятия моделирования (только с использованием термина «конструирование»). Так, Д.В. Решетникова отмечает, что это «особая юридическая деятельность, в результате которой на базе научно обоснованных правил определяются и разрабатываются внешние формы и структура внутренне логичного, функционально оправданного и встроенного в систему действующего уголовного законодательства *corpus delicti*, включая взаимное расположение его составных частей и внутреннее строение каждого компонента»¹.

Несомненным достоинством данного определения является то обстоятельство, что автор подчеркнула необходимость включения в исследуемое понятие не только разработки внутренней структуры (элементов) состава преступления, но и ее юридического выражения в нормах закона (нами данное деление также осуществляется в рамках этапов моделирования состава преступления).

По мнению А.В. Иванчина, конструирование – это процесс реализации идеи запрета общественно опасного поведения, формируемой на основе правотворческих факторов (криминологических, политических, экономических, исторических и др.), путем разработки и закрепления в уголовном законодательстве определенной комбинации признаков данного поведения и определения их содержания. Представленная трактовка несколько расширяет исследуемое понятие за счет указания на связь с самим законодательным решением относительно объявления преступным того или иного деяния.

Конечная цель моделирования – это включение деяния в норму уголовного закона. Поэтому понятием «моделирование» охватывается не просто создание законодателем состава преступления, но и его отражение в норме закона.

Следует отметить, что путь от фактически совершенного деяния до облачения его в оболочку статьи УК РФ сложен и разнообразен. На основе факторов криминализации доказывается необходимость возведе-

¹ Решетникова Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. С. 11.

ния такого деяния в ранг преступлений, создается сама конструкция состава преступления, которая в конечном итоге отражается в диспозиции статьи Особенной части УК РФ (последние две составляющие – это и есть моделирование состава преступления).

Закрепление общественно опасного деяния в статьях Особенной части УК РФ актуализирует проблему соотношения состава преступления и диспозиции уголовно-правовой нормы. Признаки состава преступления не являются идентичными диспозиции статьи Особенной части, поскольку последняя отражает далеко не все обязательные признаки состава преступления.

Вместе с тем нельзя отрицать, что ядром диспозиции нормы уголовного права является предусмотренный в ней состав преступления. При этом, рассматривая четырехэлементное деление состава преступления на объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону и соотнеся данные элементы с диспозициями статей Особенной части УК РФ, можно сделать вывод, что во всех случаях законодатель описывает лишь признаки объективной стороны, а именно общественно опасного деяния, остальные же элементы состава преступления оказываются представленными лишь в отдельных предписаниях.

Полнота описания состава в диспозиции статьи Особенной части УК РФ также представляет сложную проблему, т.к., с одной стороны, необходимо полное, всестороннее отражение признаков состава, с другой стороны, перегрузка диспозиции ведет к чрезмерному расширению границ закона, к размыванию сути изложенных в нем положений.

Таким образом, можно проследить процесс трансформации общественно опасного деяния в диспозицию статьи. Так, из всех поступков человека законодатель отбирает наиболее общественно опасные, требующие регулирования именно нормами уголовного права. Изучая особенности таких деяний, он моделирует состав преступления, который в конечном итоге описывается в диспозиции статьи уголовного закона. Только после прохождения данной процедуры общественно опасное деяние становится преступлением (см. приложение 3).

Интересные мысли о процессе трансформации высказал Н.С. Таганцев: «Сопоставляя отдельные типы преступных деяний, законодатель усматривает черты, общие всем им, характеризующие, так сказать, каждое преступное деяние; таким образом, вырабатывается родовое понятие преступного деяния вообще, появляется юридическая абстракция высшего порядка»¹.

Соответственно, первичной задачей, стоящей перед законодателем, выступает изучение самого общественно опасного деяния, представля-

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Т. 1. Часть Общая. С. 125.

ющего определенную форму поведения человека. Такой анализ поступка человека полностью соответствует понятию моделирования как принципу научного исследования, первый этап которого предполагает наличие некоторых знаний об объекте-оригинале¹.

Учитывая, что моделирование представляет собой сложный процесс, целесообразно его осуществление разделить на определенные этапы. Данный вопрос в научной литературе рассматривается в обобщенном виде путем указания на отбор в процессе создания состава преступления обязательных признаков. Чрезмерное упрощение моделирования и сведение его исключительно к выбору признаков представляется неверным в силу сложности и многочисленности решаемых в процессе осуществления вопросов. Именно поэтому за основу следует взять теорию моделирования как средство познания явления.

Как уже указывалось, первым этапом выступает анализ общественно опасного деяния, которое по воле законодателя объявляется преступным.

На втором этапе происходит уже непосредственная работа по созданию модели. Теория состава преступления подразделяет признаки состава на обязательные и факультативные признаки. Именно поэтому, создавая конструкцию конкретных составов преступлений, законодателю необходимо определить содержание обязательных признаков, а именно общественных отношений, деяния, а также формы вины. Признаки общего субъекта преступления (физическое лицо, вменяемость, возраст уголовной ответственности) в конкретный состав не включаются, поскольку одни из них – физическое лицо и вменяемость – презюмируются, а возрастные цензы уголовной ответственности определяются в Общей части УК РФ и не отражаются отдельно в каждой конструкции.

Наполнение каждого из названных обязательных априори признаков имеет свои особенности. Так, определяя общественные отношения, на которые посягает данное деяние (объект преступления), законодатель тем самым закрепляет месторасположение состава преступления в уголовном законе.

При этом, как отмечал С.В. Познышев, «все правовые блага, на которые направляются преступные посягательства, можно разбить на три разряда: 1) к первому разряду относятся блага, носителями и обладателями которых могут быть только физические лица; 2) второй разряд составляют блага имущественные, которые могут принадлежать и быть в обладании как отдельных личностей, так и коллективных единиц; 3) третий разряд образуют блага, в тесном смысле слова общественные.

¹ См.: Глинский Б.А. Моделирование как метод научного исследования. М., 1965. С. 17.

По самой природе своей эти блага не могут находиться в обладании отдельной личности»¹.

Развивая изложенную идею, считаем возможным указать, что, помимо личности и общества, блага, образующие объект преступления, могут относиться к государству. Поэтому любое преступление посягает на такие блага, которые принадлежат личности – обществу – государству.

В действующем УК РФ применяется четырехзвенная классификация объектов на общий, родовой, видовой и непосредственный, каждый из которых выступает составной частью предыдущего, при этом отличается различной степенью конкретизации охраняемых общественных отношений.

Объекты различной степени общности различаются в количественных признаках. «Объект большей общности принадлежит большему числу преступлений; объект меньшей общности охватывает меньшее число преступлений»².

Под общим объектом преступления следует понимать социальную ценность – совокупность всех общественных отношений, имеющих ценность для определенного социума. Родовые объекты – это те объекты, которые существуют в рамках общего и составляют основу общества. Отдельные сферы охраняемых общественных отношений образуют видовые объекты. Непосредственный же объект направлен на защиту отдельных общественных отношений, конкретного носителя социальной ценности.

Система объектов преступления имеет принципиально важное значение для криминализации деяния, поскольку законотворческие органы обязаны соотносить то или иное поведение с социальной ценностью нарушаемых общественных отношений. Кроме того, система общественных отношений имеет решающее значение для создания конструкции состава, определяя его место в рамках уголовного закона.

После градации общественных отношений базисного уровня необходима их дальнейшая дифференциация в зависимости от степени их связанности с базисными. Иначе говоря, по непосредственному объекту преступные деяния также должны располагаться в определенной последовательности.

Моделирование признаков преступного деяния (в этой части имеется в виду узкое понимание деяния) осуществляется путем решения нескольких ключевых вопросов:

1. Определение формы внешнего выражения преступного деяния (действие, бездействие либо их сочетание).

¹ Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. М., 1909. С. 11-12.

² Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы ... С. 35.

2. В научной литературе существует классификация форм действий в зависимости от механизма воздействия. В частности, все действия предлагается подразделять на физические и информационные. Моделируя состав преступления, законодатель должен предусмотреть, какая форма преступного действия в данном составе будет основной, преобладающей.

3. Выбор уровня сложности внешнего выражения активной формы, характерной для данного деяния.

В уголовном законе преступной может объявляться как самая простая форма человеческой активности в виде действия, так и наиболее сложные разновидности (операция или деятельность), либо может быть предусмотрено альтернативное выражение в виде различных проявлений.

На основании подразделения деяний на одноактные и многоактные их моделирование в конструкции состава преступления имеет определенные особенности. Так, одноактные преступления предполагают указание на одно деяние, которое может быть мгновенным или длящимся во времени. Многоактное деяние описывается путем закрепления целого ряда действий, бездействия (либо их сочетания), которые в своей совокупности образуют преступление. Среди таких преступлений можно выделить составные, преступления с административной преюдицией, преступления с удвоенным действием. Последние от составных отличаются тем, что преступление образует два действия, не подпадающие под самостоятельные составы преступлений (например, изнасилование).

Тот факт, что признаки общего субъекта не указываются в диспозиции статьи Особенной части УК РФ, не означает, что при создании состава законодатель не должен определить возрастную планку привлечения к уголовной ответственности.

В конструкции состава преступления в обязательном порядке отображается и форма вины. Это объясняется тем, что преступным признается не просто поведение лица, а только такое, в котором проявляются сознание и воля. Вина в конкретных составах преступлений выражается в разных формах, видах и их сочетаниях. В некоторых составах закладывается формула только прямого умысла, в некоторых – и прямого, и косвенного. Возможны сочетания умысла и неосторожности. И наконец, отдельные составы предусматривают лишь неосторожную вину.

Кроме того, осуществляя процесс моделирования состава преступления, законодателю требуется решить вопрос о включении в конструкцию дополнительных признаков, которые в общем составе преступления относились к числу факультативных, однако для конкретного вида состава имеют существенное значение. В этой части законодатель должен проанализировать необходимость ввода в конструкцию состава преступления таких признаков, как предмет преступления, потерпев-

ший, способ, время, место, обстановка, средства и орудия, специальный субъект, мотив и цель.

На третьем этапе законодатель осуществляет отбор вида конструкции состава оконченного преступления и определяет юридический момент окончания преступления. Например, при выборе разновидности материального состава преступления законодатель должен отразить преступные последствия, наступление которых будет свидетельствовать о признании данного деяния оконченным.

В результате деятельности законодателя на данных этапах оказываются отобранными все обязательные признаки и вид конструкции будущего состава преступления, а также определено содержание элементов. Иначе говоря, у законодателя сложилось полное представление о том, на какие общественные отношения посягает данное деяние (а значит, какое место оно займет в рамках уголовного закона), особенности деяния (форма проявления, сложности поведения, временной период его осуществления), минимальный возраст уголовной ответственности, форма вины, а также момент окончания преступления. Данный перечень может быть дополнен и факультативными признаками, которые по решению законодателя в конкретном составе станут обязательными.

Четвертым этапом моделирования состава преступления является юридическое выражение каждого обязательного признака, вида конструкции и момента окончания преступления. Именно в данном блоке, в соответствии с правилами законодательной техники, состав преступления получает завершённую форму, которая в последующем получит свое закрепление в диспозиции статьи Особенной части УК РФ.

При этом осуществление каждого этапа должно сопровождаться обязательным обращением законодателя к анализу общественно опасного деяния – оригиналу и механизму его осуществления (см. приложение 4).

Процесс создания состава преступления представляется достаточно сложным вследствие того, что в данном процессе задействованы такие институты уголовного права, как понятие преступления, состав преступления, криминализация, уголовная политика. Именно поэтому теория моделирования состава преступления должна основываться на совокупных знаниях и характеристиках различных уголовно-правовых институтов и категорий.

Представленное комплексное исследование позволяет сформулировать понятие моделирования состава преступления: это осуществляемый на основе анализа общественно опасного деяния как явления объективной действительности процесс по созданию внутреннего строения конкретного состава преступления и последующего его юридического выражения в нормах уголовного закона.

Глава 2. Юридическое выражение обязательных признаков и вида конструкции конкретного состава преступления

2.1. Юридическое выражение объективных и субъективных признаков конкретного состава преступления

Проблема юридического выражения признаков состава преступления возникает у законодателя только после того, как в ходе моделирования состава будут отобраны все обязательные признаки. Придание данным признакам правовой оболочки предполагает не только их определенное оформление по правилам построения права, но и последующее включение в диспозицию статьи Особенной части УК РФ.

По своей правовой природе юридическое оформление признаков состава преступления относится к институту законодательной техники (как и все моделирование состава преступления), представляющую собой совокупность правил и приемов.

Способы (приемы) юридического выражения признаков состава преступления подразделяются на несколько классификационных групп, выделяемых по следующим основаниям:

1. В зависимости от степени обобщения признака (абстрактный и казуистический способы);

Казуистический способ характеризуется стремлением законодателя охватить наибольшее количество конкретных ситуаций (например, ст. 228 УК РФ охватывает конкретный перечень действий). Абстрактный же способ предполагает предельное обобщение признаков в размытых формулировках. Такой способ отражения предпочтителен в тех случаях, когда законодатель стремится создать составы, охватывающие собой неопределенное число ситуаций.

При отражении данным способом деяния используется прием открытого перечня. Например, в террористическом акте (ст. 205 УК РФ), помимо взрыва и поджога, указаны и иные действия, разновидности которых не приводятся.

2. В зависимости от особенностей описания признака (прямой, ссылочный, банкетный способы);

Прямой способ предполагает точное и полное описание признака в диспозиции статьи Особенной части УК РФ. Несмотря на очевидные достоинства такого способа отражения, заключающиеся в минимизировании проблем толкования признака, в рамках УК РФ он не относится к числу распространенных. Это объясняется тем обстоятельством, что при прямом способе отражения законодателю следует закреплять поня-

тийный аппарат, разъясняющий значение того или иного признака, что, безусловно, расширит объемы УК РФ.

Бланкетный способ изложения означает описание признака не в самом УК РФ, а в ином нормативном правовом акте. Например, такой способ используется законодателем в составах, связанных с нарушением правил (ст. 143, 264 УК РФ).

При использовании ссылочного способа описание признака приводится в другой статье УК РФ. Примером этого описания являются составы форм хищений (ст. 158-162 УК РФ), деяние в которых закрепляется в примечании 1 к ст. 158 УК РФ.

Помимо общих правил юридического выражения, необходимо выделять специальные правила, зависящие от того элемента состава преступления, признаки которого следует отразить в норме закона.

Именно поэтому дальнейшее рассмотрение правил юридического выражения обязательных признаков в составе преступления следует осуществлять применительно к каждому элементу состава.

Юридическое выражение объекта преступления, а также признаков, его характеризующих, представляется весьма сложной проблемой. Это связано с отсутствием единообразного понимания данного элемента состава. Теория объекта преступления, выступающая отправной точкой существования многих институтов уголовного права, несмотря на солидную правовую разработку, до сих пор не исчерпала потенциала своего развития. А фундаментальные научные исследования, начиная с досоветского периода, посвящались содержательной определенности самого понятия, оставляя за пределами научного познания роль объекта преступления в механизме преступного деяния, моделировании состава преступления и выборе конструкции оконченного преступления.

Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что большинство научных работ констатируют важность объекта для содержания состава преступления¹. При этом в данном контексте речь идет только о непосредственном объекте, поскольку именно этот объект позволяет глубоко понять истинное общественно-политическое значение преступления.

Объект преступления, выступая сложным структурным образованием, представляет собой систему общественных отношений². Его от-

¹ См.: Винокуров В.Н. Объект преступления: аспекты понимания, способы установления и применение уголовного закона. М., 2012. С. 3-4.

² Понимание объекта как общественных отношений нельзя признать унифицированным, что подтверждается многочисленными научными школами и направлениями, сменяющими друг друга в различные исторические периоды. Более подробно см.: Никифоров Б.Н. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960; Марцев А.И., Вишнякова Н.В. Развитие учения об объекте преступления. Омск, 2002.

ражение в уголовном законе осуществляется не путем указания соответствующих общественных отношений в диспозиции статьи, а посредством отнесения преступления к той или иной группе, объединенной рамками раздела и главы УК РФ, с упоминанием в их названии охраняемого общественного отношения.

При этом существующее в российской науке уголовного права четырехзвенное деление объектов в зависимости от общности охраняемого отношения обуславливает не просто механическое выделение такого отношения, а определение различных степеней его общности.

Такой подход позволяет распределять все преступления, закрепленные в уголовном законе, на определенные группы, различающиеся теми общественными отношениями, на которые преступления посягают, что не только систематизирует нормы закона, но и облегчает квалификацию преступления.

Однако многоуровневая конкретизация объекта преступления, осуществляемая в рамках структурных элементов уголовного закона, сопряжена с определенными сложностями:

1. В настоящее время отсутствует четкая иерархическая система общественных отношений, построенная в соответствии с их значимостью.

В зарубежных законах также имеет место такое иерархическое распределение, в соответствии с которым личности не отводится первое место. Например, в Уголовном кодексе Франции это человечество, в Уголовном кодексе Германии – государство и т.д.

Полагаем, что существующая в уголовном законе иерархия общественных отношений предопределяет главенствующую роль личности, что в принципе не выглядит удивительным в свете существования ст. 2 УК РФ и ст. 2 Конституции РФ.

Однако неразработанность аксиологического подхода оценки общественных отношений составляет существенный пробел в уголовно-правовой науке, в т.ч. и для юридического выражения объекта преступления, вызывает вопросы обоснованности расположения составов в уголовном законе.

К примеру, достаточно спорным выглядит признание общественных отношений в сфере экономики более важными по сравнению с общественной безопасностью и общественным порядком.

Еще больше сложностей юридического выражения объекта существует при переходе на более узкие ступени обобщения общественных отношений (т.е. при определении видового и непосредственного объекта).

Так, при распределении преступлений в единый видовой объект возникает вопрос относительно необходимости соблюдения принципа иерархии общественных отношений. Рассматривая с этих позиций ви-

довые объекты, входящие в раздел VII УК РФ, иерархическое расположение усматривается, в связи с чем вначале следуют преступления против жизни и здоровья, а затем остальные группы. Однако при анализе иных разделов и глав УК РФ подобная зависимость расположения от ценности общественного отношения не наблюдается (к примеру, сомнительной представляется повышенная значимость собственности в сравнении с экономической деятельностью). В связи с этим можно сделать вывод о влиянии ценности охраняемых общественных отношений исключительно на распределение родовых объектов. Остальные же объекты закрепляются совместно в свободном порядке путем их объединения по степени общности общественных отношений.

2. Юридическое выражение непосредственного объекта, т.е. конкретных общественных отношений, осуществляется абстрактно, посредством комплексного восприятия всех уровней обобщения общественных отношений. В результате чего уяснение конкретных общественных отношений, выступающих непосредственным объектом преступления, практически по каждому составу сопряжено со значительными сложностями (а в научных кругах представляется в виде многообразия мнений).

К примеру, научной общественностью высказываются различные позиции относительно того, какие общественные отношения нарушаются при осуществлении угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Так, В.П. Петрунев, Г.А. Заидов считают, что угроза убийством посягает на жизнь, поскольку умысел виновного должен быть направлен именно на причинение смерти¹. Л. Сердюк в качестве объектов данного преступления выделяет здоровье и свободу волеизъявления².

Оценивая представленные точки зрения, следует помнить, что непосредственный объект, с одной стороны, всегда находится в плоскости видового, а с другой – представляет собой конкретное общественное отношение. Видовым объектом, отраженным в названии гл. 16 УК РФ, являются общественные отношения, охраняющие жизнь и здоровье. Однако сама по себе угроза воздействует не на жизнь, а лишь на психическое состояние лица, соответственно, непосредственным объектом следует признать только общественные отношения, охраняющие здоровье.

Считаем необходимым в обязательном порядке отражать специфику охраняемых общественных отношений в диспозиции статьи Особен-

¹ См.: Петрунев В.П. Борьба с уголовно наказуемыми угрозами // Советская юстиция. 1975. № 17. С. 14.

² См.: Сердюк Л. Правовая оценка последствий при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Уголовное право. 2008. № 1. С. 64-68.

ной части УК РФ. В качестве варианта возможно создание общих понятий определенных групп преступлений, обладающих сходными непосредственными объектами, с указанием в их содержании конкретных общественных отношений. Например, подобные понятия можно выработать для группы убийств, составов причинения вреда здоровью и составов, не причиняющих вред здоровью, а создающих лишь опасность его наступления (с закреплением их в единой формулировке либо разделении по групповому признаку охраняемых общественных отношений). Именно такой опыт имел место в УК РСФСР применительно к преступлениям против порядка управления, контрреволюционных, военных и т.д.

Если по общему правилу признак состава может прямо указываться в диспозиции статьи либо вытекать из толкования других признаков, то применительно к обозначению предмета преступления способы отражения должны быть ограничены прямым упоминанием. Это объясняется тем обстоятельством, что предмет выступает составной частью общественного отношения, получившей юридическое выражение. Абстрактный характер самого понятия «общественные отношения» выступает препятствием для уяснения предмета преступления при опосредованном его закреплении.

Кроме того, принадлежность данного признака в общем составе преступления к числу факультативных свидетельствует о том, что правоприменительные органы будут акцентировать внимание на его установлении только в случае прямого указания в норме.

Например, в рамках состава преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, предмет ограничен только информацией, охраняемой законом. При этом в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 представлено более широкое толкование данного понятия, поскольку, помимо какого-либо закона, закрепляющего особую охрану определенной информации, сам обладатель информации может установить средства ее защиты.

Таким образом, учитывая обязательность доказывания предмета преступления, при квалификации деяния по ст. 272 УК РФ правоприменительным органам следует отражать следующую информацию:

- 1) наличие сведений и их носитель;
- 2) охраняемость информации либо в соответствии с предписаниями закона, либо вследствие установления самим обладателем средств защиты от всеобщего доступа.

При этом анализ приговоров, размещенных на официальных сайтах судов субъектов РФ, показывает, что в большинстве случаев такие данные о предмете преступления отсутствуют.

К примеру, приговором Устиновского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики П. осужден по ч. 2 ст. 272 УК РФ. Судом указывается, что с целью последующей продажи информации о логине и пароле доступа к интернет-сайту путем подбора логина и пароля П. совершил неправомерный доступ к *охраняемой законом компьютерной информации*, содержащейся в административной панели интернет-сайта¹. Очевидно, что суды механически цитируют описание предмета преступления из диспозиции ст. 272 УК РФ, не устанавливая, о каком законе идет речь.

Полагаем, что подобная практика препятствует эффективному применению уголовно-правового запрета, а также может привести к отмене вынесенного решения. Правоприменительным органам необходимо уяснить предоставленную Верховным Судом РФ возможность не ограничивать действие ст. 272 УК РФ только информацией, охраняемой законом. В том случае, если обладатель информации сам установил средства ее защиты, то она также может признаваться охраняемой. При этом в приговоре следует конкретизировать информацию, о каких средствах защиты идет речь. В случае же наличия ограничения со стороны какого-либо законодательного акта необходимо указать его наименование и иные реквизиты.

В качестве положительного опыта следует привести приговор Ленинского районного суда г. Саратова по обвинению Д. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 272 УК РФ. В отдельном абзаце судом приводится детальная аргументация, позволяющая признать информацию охраняемой законом. «Компьютерная информация, хранящаяся в базе данных серверов ПАО “МТС”, содержащая персональные данные абонентов, в соответствии с ч. 1 ст. 44 Конституции РФ, Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149 “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”, ст. 1261, 1262 ГК РФ относится к охраняемой законом информации»².

Введение предмета преступления в конструкцию состава преступления в строго определенных случаях (если имеются основания и условия, обуславливающие необходимость признания данного признака обязательным) предопределяет повышенные требования к качественной и количественной определенности его показателей.

¹ Приговор № 1-256/2017 Устиновского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/546816.html>. Аналогичные решения см.: URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/467627.html>; URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/412143.html> (дата обращения: 10.05.2023). Всего проанализировано 42 приговора.

² Приговор № 1-386/2017 Ленинского районного суда г. Саратова. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/457282.html> (дата обращения: 10.05.2023).

Качественные показатели предмета состоят в указании на групповую принадлежность (вещи, информация, человек, услуги, права).

При этом отнесение предмета к одной из классификационных подгрупп должно основываться только на особенностях охраняемых общественных отношений, включающих данный структурный элемент.

Количественные показатели предмета предполагают установление его размера в единичном либо множественном варианте. В последнем случае законодатель определяет градацию размеров на определенные группы (например, значительный размер, крупный и особо крупный).

Аналогичным образом путем прямого отражения в диспозиции статьи следует осуществлять юридическое выражение потерпевшего от преступления.

Хотя в Особенной части УК РФ наблюдаются и составы с опосредованным закреплением потерпевшего. К примеру, в составе изнасилования данный признак растворен в действии, представляющим собой половое сношение, т.е. естественный половой акт мужчины над женщиной. Однако полагаем, что такой способ закрепления создает сложности в толковании признаков состава, вследствие чего его применение следует минимизировать.

Юридическое выражение потерпевшего предполагает отражение в законе определенных признаков, характеризующих личность, поведение или состояние лица. Соответственно, закреплению подлежат конкретные признаки, индивидуализирующие потерпевшего.

Например, потерпевшим по ст. 318 УК РФ могут выступать две категории лиц – представители власти и их близкие. Иначе говоря, признаки потерпевшего в данном составе преступления выделены по такому основанию, как служебное положение лица.

Несмотря на то, что понятие представителя власти законодательно закреплено в примечании к ст. 318 УК РФ, его толкование нельзя признать однозначным.

Исходя из буквального смысла законодательного предписания, следует выделять три вида представителей власти:

1. Должностные лица правоохранительных органов. Подобная формулировка свидетельствует о том, что не любые представители правоохранительных органов относятся к числу потерпевших, а лишь обладающие статусом должностного лица (примечание 1 к ст. 285 УК РФ).

Само понятие сотрудника правоохранительного органа и перечень таковых в каком-либо нормативном правовом акте отсутствуют. В свою очередь, в научной литературе представлены точки зрения, включающие в его содержание адвокатов, нотариусов и иных лиц, обеспечивающих права граждан. Признание потерпевшими не любых сотрудников правоохранительных органов, а лишь должностных лиц значительно

сужает действие уголовно-правовой нормы, исключая возможность распространения ст. 318 УК РФ на адвокатов, которые по своему юридическому оформлению относятся к некоммерческим организациям.

Полагаем, проблема квалификации применения насилия к адвокатам несколько выходит за рамки исследования, поэтому на данном этапе отметим, что целесообразно в рамках уголовного закона выделить подобные действия по отношению к иным лицам правоохранительных органов, не являющимся должностными, в отдельную норму УК РФ¹.

2. Должностные лица контролирующих органов.

3. Иные должностные лица, наделенные распорядительными полномочиями в отношении неподчиненных.

В этой части следует отметить, что вторая и третья разновидности представителей власти вообще отличаются неясным содержанием. В частности, перечень контролирующих органов в настоящее время отсутствует. В результате вывод о принадлежности должностного лица к контрольно-надзорным органам можно сделать только исходя из анализа нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность конкретного подразделения. Последняя разновидность представителей власти описана в законе путем открытого перечня, оставляя правоприменителю возможность включения в данную категорию неограниченного круга лиц.

Совершение общественно опасного деяния, выступая основным блоком механизма преступного деяния, наиболее полно получает юридическое выражение в составе преступления, а также в диспозиции статьи уголовного закона.

Особое значение имеет юридическое выражение пределов деяния, которые очерчены законодателем путем указания на «особенности действия (бездействия или их сочетания), входящего в состав преступления»². Например, вымогательство на стадии совершения деяния охватывает спектр различных действий – от предъявления требований передачи имущества до их последующего исполнения, однако законодатель очерчивает границы деяния исключительно предъявлением требований, оставляя иные действия за пределами состава.

При этом главным ориентиром определения юридического выражения деяния, благодаря которому законодатель обрисовывает его

¹ Интересна квалификация применения насилия в отношении адвокатов. Так, в случае применения насилия со стороны должностных лиц (например, следователя, оперативного уполномоченного полиции и т.д.) к адвокату применению подлежит ст. 286 УК РФ. В случае же наличия общего субъекта преступления квалификация проводится по общим нормам преступлений против жизни и здоровья.

² Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 133.

«контуры», выступает объект преступления, нарушение которого может произойти только в результате совершения определенного деяния.

Юридическое выражение деяния в виде действия осуществляется путем использования терминов, означающих активное поведение (изъятие, взрыв, уничтожение, перевозка и т.д.).

При этом преступное бездействие должно отражаться в конструкции состава преступления при помощи:

1) указания на те действия, которые лицо должно было выполнить, с приданием им отрицательного заряда (неисполнение обязанностей по воспитанию и т.д.);

2) упоминания в составе преступления обязанности совершить действие.

Источники обязанности могут быть разнообразными. Это и профессиональные функции человека, соответствующее указание в законах, предшествующее поведение субъекта и т.д.¹

В этой части интерес представляет ст. 125 УК РФ, где обязанности действовать перечислены в многообразных вариантах. В том числе и обязанность, вытекающая из предшествующего, даже законного и «благородного» поведения виновного. Например, лицо взяло на себя обязанность перевести человека через дорогу и оставило на половине пути.

Бездействие может стать преступным только в том случае, когда лицо могло действовать. Так, В.Н. Кудрявцев отмечает: «Поступок человека должен быть проявлением его разума и воли. Если лицо вследствие объективных обстоятельств не имело возможности выполнить требуемое действие, то его бездействие, невмешательство было проявлением не его воли, а непреодолимой силы. Уголовная ответственность в этом случае исключается»².

В научной литературе указывается на возможность неупоминания формы деяния, если оно может проявляться в любой разновидности³. Допустимость данного положения вызывает сомнение, поскольку деяние выступает ключевым признаком любого состава и отсутствие упоминания о нем приведет к сложностям в толковании.

В этой части следует указать на неудачность отражения формы деяния в составе незаконного осуществления медицинской или фармацевтической деятельности (ст. 235 УК РФ). В диспозиции уголовно-

¹ Как отмечает А.А. Герцензон, «обязанность может быть основана на предписании закона, на служебных или профессиональных функциях, на предшествующем поведении лица». См.: Герцензон А.А. Уголовное право. Общая часть. М., 1948. С. 293.

² Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 87.

³ См.: Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987. С. 72.

правовой нормы деяние описано как осуществление деятельности лицом, не имеющим лицензии.

Подобная формулировка привела к противоположным мнениям относительно формы совершения данного деяния: действие¹, бездействие² и смешанная форма³.

Исходя из лексического толкования законодательного предписания, деяние должно осуществляться в форме действия (об этом свидетельствуют два термина, отражающие активное поведение – осуществление деятельности). Требование об отсутствии лицензии относится не к деянию, а к характеристике специального субъекта преступления. Другой вопрос в том, что необходимо было бы в законе дать более четкую и полную характеристику деяния, включив в него не только действия, но и смешанную форму.

Т.Г. Понятовская и А.И. Рарог указывают, что законодатель в представленном варианте смещает акцент с неквалифицированного и непрофессионального характера оказания косметологических услуг на незаконный и нелицензионный⁴.

Нельзя признать удачным описание деяния в составе превышения должностных полномочий, в котором используется формулировка «действия, явно выходящие за пределы предоставленных полномочий».

Ограничение деяния в составе преступления, предусмотренном ст. 286 УК РФ, исключительно действиями актуализирует вопрос о возможности превышения полномочий путем бездействия.

Так, Д.П. Юдин считает, что отсутствие однозначного решения приводит к возникновению сложностей при квалификации случаев умышленного невыполнения своих обязанностей⁵.

Анализ судебной практики показывает, что суды квалифицируют подобные случаи по ст. 285 УК РФ. К примеру, М., являясь сотрудником органов внутренних дел, получил информацию о владении Э. наркотическим

¹ См.: Фатиева И.А., Скрипченко Н.Ю. Особенности конструкции состава преступления, предусмотренного статьей 235 Уголовного кодекса Российской Федерации // Медицинское право: теория и практика. 2020. Т. 6. № 2 (12). С. 169-174.

² См.: Шалагин А.Е. О некоторых особенностях квалификации и предупреждения преступлений, предусмотренных ст. 235 и 236 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 264-268.

³ Комментарий к Уголовному кодексу РФ. URL: <https://ukrf-stat.ru/statya235-ukrf-nezakonnoe-osushhestvlenie-medicinskoj-deyatelnosti-ili-farmaceuticheskoy-deyatelnosti/> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴ См.: Понятовская Т.Г., Рарог А.И. Объект и система медицинского уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 5. С. 816-824.

⁵ Юдин Д.П. Превышение и злоупотребление должностными полномочиями: оценка общественной опасности и общая уголовно-правовая характеристика // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 11 (51). С. 250-251.

средством. С целью получения незаконного вознаграждения от последнего М. произвел задержание и предложил передать деньги в размере 5000 рублей за несоставление протокола¹.

Следует поддержать вывод о признании такого бездействия разновидностью злоупотребления, а не превышения по следующим обстоятельствам: во-первых, должностное лицо обладало полномочиями по принятию решения относительно составления протокола и использовало их из корысти; во-вторых, тот факт, что лицо не составило протокол вследствие незаконных действий, направленных на получение вознаграждения, нельзя расценивать как превышение, поскольку в представленной ситуации незаконность относится не к составлению (несоставлению) протокола, а к действиям по получению взятки, что образует самостоятельный состав преступления.

Анализируя обоснованность квалификации в представленном примере, отметим, что почему-то судом не дана оценка факта действий, направленных на получение взятки. Полагаем, суду следовало бы вменить приготовление к получению взятки, т.е. виновный создает условия, однако принятие взятки (даже части) не состоялось по независящим от лица обстоятельствам.

Целесообразность вменения совокупности преступлений поддерживается и многочисленными примерами судебной практики.

Например, Д., занимая должность участкового уполномоченного полиции, прибыла в магазин, в котором осуществлял предпринимательскую деятельность ИП П., предложила за передачу вознаграждения не составлять протокол по факту реализации товара, содержащего чужой товарный знак. П. передал денежные средства в сумме 5000 рублей. Действие, совершенное Д., судом квалифицировано по ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 291.2 УК РФ².

Интересную позицию высказывает М.А. Тыняная, которая полагает, что злоупотребление должностными полномочиями также может совершаться только путем действия, поскольку при бездействии нельзя говорить об использовании полномочий, а следует говорить об их неиспользовании³.

¹ Бутырский районный суд г. Москвы. Д. № 1-49/20. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 09.03.2023).

² Чкаловский районный суд г. Екатеринбурга. Д. № 1-197/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Тыняная М.А. Отграничение халатности от злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий // Правовые проблемы укрепления российской государственности / ред.: О.И. Андреева, С.А. Елисеев, Л.М. Прозументов, М.К. Свиридов и др. Томск, 2014. С. 30-32.

Полагаем, данная точка зрения не соответствует п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009. К тому же в тех ситуациях, когда лицо наделяется полномочиями, к примеру, составления протокола, имеется в виду возможность принятия альтернативного решения. Следовательно, использование такого полномочия возможно как путем его вынесения, так и бездействия в виде несоставления.

Толкование признака «явность» представляется достаточно сложным, поскольку должностное лицо зачастую не осведомлено об объеме предоставленных полномочий, а с учетом принципа субъективного вменения привлечение к уголовной ответственности в данных случаях необоснованно.

В теории уголовного права общепризнанно, что любая объективная деятельность всегда сопровождается субъективными процессами, характеризующими сознание и волю субъекта.

Исходя из этого, признак «явность» предполагает не только объективные действия, выходящие за пределы, но и осознание этого факта виновным, т.е. складывается из объективного и субъективного критериев. В обоснование представленного вывода следует указать на пункт 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19, в котором закрепляется, что ответственность за превышение должностных полномочий наступает в случае совершения должностным лицом активных действий, которые явно выходят за пределы его полномочий, если при этом должностное лицо осознавало, что действует за пределами возложенных на него полномочий.

Ограничение признака «явность» исключительно объективным критерием противоречит основным положениям уголовного права¹.

Поскольку при превышении полномочий лицо может совершать действия, по своей сути являющиеся преступными (например, фальсифицировать какой-либо документ), возникает вопрос о квалификации таких действий и возможности применения правил совокупности.

В научной литературе широкое распространение получила позиция, согласно которой превышение должностных полномочий не является общей нормой по отношению к таким преступлениям, как присвоение или растрата, служебный подлог и т.д.² В качестве аргумента приводится наличие в квалифицированном составе признака применения насилия или угроз (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ), не свойственного иным преступлениям против государственной власти.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

² Векленко В.В., Борков В.Н. Расширительное толкование превышения должностных полномочий // Российский следователь. 2019. № 6. С. 48-51.

Полагаем, обозначенная проблема появилась в связи с тем, что совершение данных преступлений выступает разновидностью действий, которые никто не вправе осуществлять.

Если рассматривать превышение полномочий как общую норму, а иные должностные преступления в качестве специальных, то по правилам квалификации преступлений при конкуренции применению подлежат только специальные составы преступлений. Иначе говоря, совокупное сочетание в квалификации ст. 286 и 292 УК РФ, ст. 286 и 160 УК РФ невозможно.

При ином выводе, в соответствии с которым превышение не рассматривается в качестве общей нормы, совокупность преступлений может иметь место. В этой части в качестве примера можно провести аналогию с составом злоупотребления должностными полномочиями, наличие которого не исключает возможное применение совокупности преступлений с составом служебного подлога (п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19).

По нашему мнению, каждое должностное преступление является самостоятельным, предусматривающим ответственность за определенное поведение должностного лица. Признание превышения должностными полномочиями общей нормой по отношению к целому ряду иных преступлений чрезмерно сужает действие данного предписания закона, искажая то содержание, которое вкладывает в диспозицию ст. 286 УК РФ законодатель.

Иначе говоря, должностное лицо не вправе совершать любое из преступлений, закрепленных в уголовном законе, а значит, руководствуясь такой логикой, злоупотребление должностными полномочиями, присвоение, растрата, служебный подлог, взяточничество и иные составы (перечень можно продолжить указанием на преступления, закрепленные в иных главах УК РФ, вплоть до убийства) – это все специальные случаи превышения. Очевидно, что в представленном варианте сам состав превышения обретает неограниченные, «безразмерные» масштабы. Поэтому содержание состава превышения полномочий и его соотношение с иными преступными деяниями должно рассматриваться не через призму общей и специальных норм, а в ином ракурсе.

Содержание преступного деяния в составе превышения должностными полномочиями не предполагает априори преступные действия. Уголовная ответственность по ст. 286 УК РФ наступает за то, что должностное лицо совершает действия, не входящие в его компетенцию, т.е. имеет место нарушение нормальной деятельности органов власти в части распределения полномочий и обязанностей между различными представителями, ее осуществляющими.

Однако по каким-то причинам правоприменительная практика по ст. 286 УК РФ складывается из типичных примеров применения насилия представителями власти. Хотя потенциал данной нормы гораздо больший и предполагает ее применение даже к тем действиям, которые не являются преступными.

В качестве довода непризнания ст. 286 УК РФ общей нормой можно привести оправдательный приговор в отношении оперуполномоченного А., который договорился с Г. и Ш. о незаконном сбыте на территории города Пскова и области наркотических средств. Действия А. были квалифицированы по ч. 1 ст. 286, п. «б», «г» ч. 4 228.1 УК РФ, поскольку А. использовал свое служебное положение.

Оправдывая А. по ч. 1 ст. 286 УК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления, суд в приговоре указал, что приведенные в этой части обвинения действия образуют самостоятельные составы преступлений, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, и «не могут рассматриваться как действия, явно выходящие за пределы полномочий должностного лица». В части оправдания А. по ч. 1 ст. 286 УК РФ кассационное представление прокурором было отозвано¹.

Относительно возможности совокупности различных преступлений со ст. 286 УК РФ следует отметить, что она может иметь место только в тех случаях, когда лицо, помимо какого-либо преступления, совершает отдельные действия, выходящие за пределы полномочий, т.е. совокупность может быть только реальная.

Например, Л., являясь должностным лицом – начальником отдела военного комиссариата, через Б. сообщил С. о том, что за денежное вознаграждение в размере 80 000 рублей окажет содействие в полном освобождении не имеющего законных оснований от призыва на военную службу.

Достигнув желаемого результата по незаконному получению денежных средств, Л., находясь в отделе военного комиссариата, исполняя служебные обязанности и превышая их, во исполнение взятых на себя обязательств осуществил действия, связанные с полным освобождением С. от мероприятий по призыву на военную службу по состоянию здоровья, а именно передал своей подчиненной Б. поддельный официальный документ – акт исследования состояния здоровья. После чего дал последней обязательное к исполнению незаконное указание внести в акт исследования состояния здоровья заведомо ложные сведения о якобы прохождении С. обследования состояния здоровья в медицинском учреждении и наличии заболевания. Суд верно квалифицировал дей-

¹ URL: http://oblsud.psk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=248 (дата обращения: 12.05.2023).

ствия Л. по совокупности преступлений – ст. 290, 286 и 292 УК РФ, поскольку каждое из обозначенных деяний совершено самостоятельными действиями¹.

В частности, в приговоре отдельно обозначено, что применение ст. 290 УК РФ обусловливается принятием незаконного вознаграждения; квалификация по ст. 286 УК РФ объясняется передачей должностным лицом своей подчиненной поддельного официального документа, а также доведением до ее сведения незаконного указания о внесении в акт исследования состояния здоровья заведомо ложных сведений. Использование ст. 292 УК РФ необходимо вследствие подделки должностным лицом этого документа для дальнейшего использования в целях реализации договоренности, достигнутой при получении взятки.

Таким образом, при совершении превышения должностных полномочий лицо совершает действия, которые выходят за пределы предоставленной компетенции. При этом данные действия объективно не находятся в полномочиях должностного лица, и последний осознает указанное обстоятельство. Применение правил реальной совокупности превышения с иными преступлениями возможно только при выражении каждого из совершаемых преступлений в самостоятельных действиях должностного лица.

Еще одним примером неудачности описания деяния выступает глава 18 УК РФ, в которой одной из форм являются иные действия сексуального характера (ст. 132-133 УК РФ).

В данной разновидности преступного деяния законодатель использует формулировку с неопределенным содержанием. Следует указать на двоякое отношение к такому способу отражения деяния, поскольку, с одной стороны, это позволяет правоприменителям значительно расширить сферу реализации уголовно-правового запрета, включая в содержание нормы многочисленные проявления действий сексуального характера; с другой стороны, неоднозначность толкования понятий с «открытым содержанием» приводит к проблемам квалификации преступлений и сложностям в отграничении от смежных составов.

Например, несовершеннолетний А. (16 лет), придя домой к ранее знакомому несовершеннолетнему К. (13 лет), вставил медицинский инструмент «клизма» в его анальное отверстие, объяснив это интересом к профессии врача. К., в свою очередь, испытывал физическую боль и психические страдания. Органы предварительного расследования указали на отсутствие состава преступления, поскольку подобная процедура не относится к сексуальным действиям².

¹ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/h15UqS8ONYQr/> (дата обращения: 10.05.2023).

² Следственный отдел по Центральному району г. Барнаула. Д. № 17802.

Проблема уяснения понятия «иные действия сексуального характера» (как и иных терминов, используемых в гл. 18 УК РФ) заключается также в том, что требуется использование знаний иных, неюридических наук (медицины, сексологии, анатомии и т.д.) и их интерпретация для целей уголовного закона¹.

Однозначно следует отметить, что трактовка понятия «иные действия сексуального характера» не должна иметь безграничный характер. Иначе говоря, нельзя любые формы сексуальной активности, совершаемые с насилием либо с использованием беспомощного состояния, квалифицировать по ст. 132 УК РФ.

Е.В. Хромов утверждает, что к толкованию данного термина нельзя подходить по остаточному принципу – что не входит в мужеложство и лесбиянство, образует иные действия².

Полагаем, установление содержания иных действий сексуального характера следует осуществлять, учитывая то обстоятельство, что в диспозиции ст. 132 УК РФ рассматриваемое альтернативное действие указано наряду с мужеложством и лесбиянством. Иначе говоря, общественная опасность «иных действий» должна быть сопоставима с иными альтернативными вариантами. Такая схожесть действий, указанных в ч. 1 ст. 132 УК РФ, проявляется в таких формах выражения, которые причиняют возможные негативные последствия объекту посягательства.

Исходя из этого, иные действия сексуального характера следует понимать как насильственные суррогатные (неестественные) формы полового акта.

Новое направление квалификации половых преступлений появилось в связи с введением в УК РФ примечания к ст. 131 УК РФ, в соответствии с которым беспомощными признаются лица, не достигшие 12 лет. В связи с этим осуществление любых действий сексуального характера в отношении такой категории лиц надлежит квалифицировать по ст. 131 и 132 УК РФ в зависимости от совершаемого действия.

Интересные примеры с точки зрения квалификации половых преступлений возникают при одновременном осуществлении развратных действий в присутствии лица старше 12 лет и не достигшего данной возрастной планки.

Например К., находясь в дневное время на детской площадке, где в это же время играли десятилетний Р. и двенадцатилетний Ш., обнажил половой член. Затем он совершил в присутствии несовершеннолетних

¹ Безверхов А. О некоторых вопросах квалификации насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Уголовное право. 2014. № 5. С. 18-24.

² Хромов Е.В. Границы иных действий сексуального характера // Законность. 2021. № 1. С. 40-44.

кратковременные сексуальные действия – акт мастурбации. Содеянное было квалифицировано по совокупности преступлений – по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, т.к. один из подростков не достиг 12 лет, и по ч. 2 ст. 135 УК РФ.

Полагаем, применение правил совокупности преступлений значительно ухудшает положение виновного лица и не соответствует принципу справедливости.

Фактически законодатель в примечании к ст. 131 УК РФ сформулировал презумпцию – лица до 12 лет однозначно не способны понимать характер и значение совершаемых в отношении них действий, вследствие чего должны признаваться беспомощными.

Подобная презумпция беспомощности вызывает недоумение, поскольку способность осознавать значение сексуальных отношений имеет индивидуальный характер и должна устанавливаться только на основании проведения психолого-психиатрической экспертизы.

В связи с этим полагаем необходимым признавать беспомощными только тех лиц, которые в силу возраста не способны осознавать характер совершаемых с ними действий. При этом возрастная граница не должна иметь приоритетного значения. Акцент необходимо перенести на психологическую составляющую¹.

Особое внимание следует уделить отсутствию такой формы преступного деяния, как иные действия сексуального характера в составе преступления, предусмотренном ст. 134 УК РФ.

Очевидным представляется несоответствие между диспозицией и названием данной статьи. В частности, в названии определена ответственность за иные действия сексуального характера, а в диспозиции таковая форма деяния отсутствует.

Анализ судебной практики г. Барнаула показал следующее: в случаях совершения иных сексуальных действий в отношении несовершеннолетнего без насилия статья 134 УК РФ не применяется. Судебные органы, вынужденные искать варианты решения обозначенной проблемы, вменяют ст. 132 или ст. 135 УК РФ.

Основанием для применения п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ выступает невозможность несовершеннолетнего в ряде случаев осознавать характер совершаемых с ним действий, иначе говоря, признание данного состояния беспомощным. Но такая квалификация возможна только в случаях, когда потерпевший не достиг 12 лет или, по результатам психоло-

¹ Ермакова О.В. Особенности регламентации преступлений против половой неприкосновенности в УК РФ // Противодействие насильственным преступлениям сексуального характера, совершаемым в отношении несовершеннолетних: проблемные вопросы теории и практики: мат-лы междунар. науч.-практ. конф-ции. Алматы, 2020. С. 34-37.

го-психиатрической экспертизы, на самом деле не осознает половые действия.

Когда же лицо достигло 12, но не достигло 16 лет и в отношении него совершаются иные действия сексуального характера без применения насилия, виновный привлекается к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 135 УК РФ. На это обращал внимание Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 04.12.2014 № 16 (п. 17): «...к развратным действиям относятся любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного...». Однако квалификацию по ст. 135 УК РФ нельзя считать объективной, т.к. эта норма имеет санкцию, включающую более мягкие наказания.

Проанализированная практика свидетельствует о том, что выбор в применении ст. 132 либо ст. 135 УК РФ фактически не регламентирован законом, а зависит исключительно от усмотрения правоприменителей. Такой альтернативный подход к квалификации деяния противоречит принципу законности. На основании изложенного предлагаем включить в диспозицию ч. 2 ст. 134 УК РФ указание на иные действия сексуального характера.

Способы описания преступного деяния в норме закона могут существенно отличаться, в связи с чем выделяются виды уголовной противоправности.

В частности, при множественной противоправности, когда запрет совершения деяния существует в различных отраслях права, законодателю следует наиболее четко описывать норму Особенной части УК РФ, т.к. в обратном случае достаточно сложно провести отграничение преступления и иного правонарушения.

Сказанное не означает отсутствие требования четкости описания деяния при единичной противоправности, поскольку в этом случае существует необходимость отграничения от смежных составов, а также проблема толкования.

Разнообразный характер вреда, наступающего в результате совершения преступления, может получить воплощение в виде преступных последствий, входящих в объективную сторону состава преступления. Последние, выступая юридическим выражением преступного результата как социального явления, не тождественны ему, поскольку последний может и не воплотиться в свой юридический прототип (при использовании конструкций формальных, усеченных составов и др.).

Юридическое выражение преступные последствия получают только в материальных составах и составах опасности. В конструкции формального состава они самостоятельно не выделяются, но опосредованно могут воплощаться в объекте преступления и исходят из характери-

ки общественно опасного деяния. Усеченные составы и составы планирования в силу переноса момента окончания на ранние этапы преступной деятельности связываются лишь с опасностью наступления вреда без реального его причинения.

В научной литературе расширение понимания преступного результата также связывается с предложениями не ограничивать его содержание нарушением только фактического общественного отношения, включая в него политический вред – государству и моральный – обществу.

На причинение преступлением вреда всему обществу и государству указывалось многими учеными. Так, Б.С. Никифоров отмечал: «Преступление нарушает упорядоченность системы общественных отношений социально-психологического (порождает недоверие к государственной власти) и индивидуально-психологического характера (возникновение чувства страха)... подает пример неустойчивым членам общества»¹.

Именно расширительное понимание вреда привело к выделению фактических последствий, которые охватывают разнообразные негативные изменения, произошедшие в результате совершения преступления, и юридических – тех, которые обозначены в норме закона². Не отрицая значимость изучения всего спектра негативных изменений, образующих фактический вред, применительно к созданию состава преступления, его содержание необходимо рассматривать в узком значении, ограниченном кругом общественных отношений, на которые происходит посягательство.

Подобное ограничение содержания преступного результата В.В. Мальцев объясняет тем, что «вне связи с правоохраняемым объектом оказать влияние на общественную опасность преступления они не могут, значит и возможность их использования при описании составов преступлений сомнительна»³. Думается, именно поэтому юридическое выражение вреда, основываясь на фактическом вреде и выступая его составной частью, всегда ограничено рамками охраняемых общественных отношений.

Следовательно, юридическое выражение последствий должно базироваться именно на характеристике вреда элементам структуры обще-

¹ См.: Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000. С. 7.

² См.: Винокуров В.Н. Объект преступления: аспекты понимания, способы установления и применение уголовного закона. М., 2012. С. 131.

³ Мальцев В.В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. С. 23.

ственных отношений, связывая воедино объект преступления и преступный результат¹.

Еще одна проблема действующего закона – один и тот же размер вреда даже в рамках одной группы преступлений может оцениваться по-разному.

А.П. Козлов предлагает ранжировать вред в зависимости от ценности общественных отношений. Соответственно, чтобы стать равнозначным для разных объектов, крупный размер вреда должен быть меньшим относительно более значимых общественных отношений и большим относительно менее значимых объектов². Полагаем, обоснованная градация последствий по размеру в преступлениях, посягающих на различные объекты, в настоящее время не разработана, что связано с отсутствием определения ценности самих общественных отношений. Следовательно, необходимы отдельные исследования указанных вопросов.

Описание преступных последствий имеет особое значение в преступлениях, в которых используется конструкция материального состава.

Однако, как указывал А.Э. Жалинский, «во многих случаях законодатель превращает материальные составы по существу в формальные, крайне размыто определяя общественно опасные последствия»³.

В уголовно-правовой литературе проблема описания в законе преступных последствий в достаточной степени разработана. Исследователи выделяют два способа отражения преступных последствий:

1) прямое закрепление с указанием на характер и размер вреда (либо только на характер или только на размер);

2) опосредованное закрепление через отражение данных о характере и размере вреда в иных признаках состава преступления.

«Оба способа описания вреда правомерны, – пишет И.А. Анисимова. – Выбор способа диктуется особенностями вреда и преступления в целом»⁴.

Как показывает анализ диспозиций статей Особенной части УК РФ, существует большое разнообразие способов отражения преступных последствий в рамках выделенных двух вариантов.

Так, способами прямого закрепления преступного последствия выступают следующие разновидности:

¹ На неразрывную связь объекта преступления и преступных последствий неоднократно обращалось внимание в научной литературе. См.: Михлин А.С. Последствия преступления. М., 1969. С. 11.

² См.: Козлов А.П. Понятие преступления. СПб., 2004. С. 286-287.

³ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. С. 366.

⁴ Анисимова И.А. Уголовно-правовое значение преступного вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. С. 20.

1. Описание в диспозиции статьи характера и размера вреда. Использование такого способа позволяет отразить наиболее точную характеристику причиняемого вреда, поскольку в этом случае складывается полное представление о моменте окончания соответствующего преступления.

2. Указание на качество вреда, без обозначения количественной составляющей.

Такой вариант отражения преступных последствий без указания на минимальный размера ущерба, необходимый для привлечения к уголовной ответственности, характерен для хищений.

3. Отражение последствий исключительно через количественные показатели вреда (без качественной характеристики).

Например, в ст. 176 УК РФ («Незаконное получение кредита») законодатель использует такое последствие, как «крупный ущерб», содержащее количественный показатель размера вреда без четкого указания на его вид (вывод о том, что речь идет об имущественном ущербе, следует из характера преступного деяния).

Причем описание преступного вреда законодатель может расположить либо в диспозиции статьи Особенной части УК РФ, либо в примечании, определяющем признаки деяния. Первый вариант использован в ст. 165 УК РФ («причинение имущественного ущерба...»), второй – в определении хищения в примечании 1 к ст. 158 УК РФ («ущерб собственнику или иному владельцу имущества»).

Анализ Особенной части УК РФ показывает, что опосредованное закрепление последствий осуществляется через характеристику преступного деяния, представленного в форме отглагольного существительного, соединяющего в себе процесс совершения действия (бездействия) и преступный результат. В частности, можно выделить несколько видов таких деяний:

1) заражение (ст. 121 УК РФ);

2) уничтожение или повреждение (ст. 168, 243, 261, 323, 325, 326, 346 УК РФ).

Представляется, что такой способ описания преступного вреда не должен иметь место в уголовном законе, поскольку отглагольные существительные применяются при отражении формального состава преступления, что вызывает сложности разграничения формального и материального составов, как следствие – проблемы установления момента окончания.

Перечень способов в норме закона может быть открытым, с предоставлением правоприменителю самостоятельного пополнения, либо исчерпывающим. Последний вариант представляется более правильным,

поскольку предусмотреть все возможные способы совершения преступления достаточно сложно.

Однако в отдельных случаях наличие исчерпывающего перечня способов, наоборот, является препятствием для эффективного действия уголовно-правового запрета.

Так, в составе доведения до самоубийства способ введен в число обязательных признаков. В принципе, подобное законодательное решение не вызывает вопросов, поскольку не всякое воздействие на лицо можно признать доведением.

Однако недостаточно ясно, почему законодатель ограничил перечень способов только угрозами, жестоким обращением и систематическим унижением достоинства¹.

Полагаем, общественная опасность любого факта доведения до самоубийства высока, что объясняется посягательством на наиболее ценное благо – жизнь человека.

Возможно, именно неоднозначность относительно описания способов доведения до самоубийства послужила основой для включения в УК РФ в 2017 г. состава склонения или содействия к совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ).

Иначе говоря, введение ст. 110.1 УК РФ устранило проблему невозможности привлечения к уголовной ответственности за доведение до самоубийства в случае иных способов воздействия, не указанных в ст. 110 УК РФ².

Однако, по нашему мнению, сомнительна целесообразность введения в уголовный закон дополнительного состава преступления, отличного от ст. 110 УК РФ в своей основе только способами преступного деяния. В данном случае более верно сделать список способов доведения до самоубийства открытым либо же дополнить его другими способами, указанными в ст. 110.1 УК РФ, распределив их в основные и квалифицированные составы в зависимости от их влияния на степень общественной опасности преступления.

Хотя необходимо отметить, что действующий УК РФ по сравнению с УК РСФСР уже и так расширил перечень способов доведения, т.к. в прежнем законе указывались только жестокое обращение и систематическое унижение достоинства.

¹ Более подробно о способах см.: Агафонов А.В. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства. М., 2012. С. 131; Галимов Р.Р. Некоторые вопросы конструкции объективной стороны состава доведения до самоубийства // Наука и современность. 2013. № 26-2. С. 170-174.

² А.И. Коробеев указывал на то, что состав склонения был известен дореволюционному законодательству и должен иметь место в действующем УК РФ. См.: Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. М., 2012. С. 161.

Кроме того, само отражение способов доведения в диспозиции ст. 110 УК РФ вызывает проблемы толкования. Например, абсолютно не конкретизировано в законе, о каких угрозах идет речь. Если действие нормы распространяется не только на угрозы применения насилия, но еще и на угрозы уничтожения имущества, разглашения сведений, то необходимо учитывать их разную общественную опасность. Соответственно, перечисление способов с различной степенью общественной опасности в одной диспозиции нельзя признать обоснованным.

Кроме того, термин «угрозы» указан законодателем во множественном числе, что является недостатком действующей редакции статьи, поскольку даже единичное их проявление может привести к неблагоприятным последствиям.

В научной литературе предлагается ограничительно толковать угрозы, приведшие к самоубийству. Например, угроза сообщить о преступлении, приведшем к самоубийству, не будет являться основанием для квалификации по ст. 110 УК РФ.

Полагаем, такое понимание угрозы не соответствует уголовному закону. Понятие «угрозы» охватывает различные виды психического насилия, например, убийством, причинением вреда здоровью, лишением жилья, материальной помощи, работы, разглашением компрометирующей информации и т.д.

При этом, по нашему мнению, в единой норме представлена слишком широкая возможность понимания угрозы, отличающейся по своей общественной опасности. В связи с чем следует конкретизировать ее содержание, различные разновидности признав квалифицирующими признаками.

Также вызывает ряд дискуссий признак систематичности унижения человеческого достоинства.

Несмотря на то, что данный признак используется и в других нормах УК РФ, его содержание четко не определено.

Ошибочно полагать, что способ указывается в составе преступления только при умышленном деянии. Особенно заметно это проявляется в легкомыслии, когда лицо самонадеянно рассчитывает на предотвращение последствий и избирает определенный способ поведения.

Еще одним составом, в котором способы вызывают сложности в толковании, выступает мошенничество. В общем составе мошенничества способ обозначен в альтернативном варианте в виде обмана или злоупотребления доверием.

На основании постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 следует выделять три вида обмана: сообщение сведе-

ний, умолчание данных, совершение действий по введению лица в заблуждение¹.

Приведенные разновидности не противоречат предложениям, высказываемым в научной литературе о делении обмана на активный и пассивный², поскольку и сообщение, и совершение действий предполагают физическое действие.

В этой части интерес представляет разъяснение Конституционного Суда РФ от 04.03.2021 № 5-П по жалобе гражданина В.В. Калугарова. Исходя из представленных в постановлении данных, он был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, за необоснованное получение налогового вычета в результате приобретения недвижимости. Суд, рассмотрев жалобу В.В. Калугарова, заявлявшего о неосведомленности отсутствия оснований для получения вычета, пришел к выводу, что если лицо не предоставляет ложных сведений, а также не совершает иных действий, направленных на введение в заблуждение, состав мошенничества отсутствует³.

Очевидно, что Конституционный Суд РФ ограничил понятие обмана исключительно активной его разновидностью. Полагаем, что подобные разъяснения не соответствуют лексическому значению обмана, включающему в себя несообщение каких-либо данных (умолчание об истине).

Также нельзя признать верной практику тех судов, которые не устанавливают конкретный способ совершения мошенничества, а в приговоре приводится общая формулировка «...используя обман и злоупотребление доверием».

Полагаем, что безусловной связи между данными способами быть не может, поскольку их содержательное значение существенно отличается. Поэтому, если по материалам уголовного дела особых доверительных отношений между виновным и потерпевшим нет (например, они впервые встречаются, либо между ними неприязненные отношения), необходимо устанавливать только один способ – обман⁴.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

² Карпова Н.А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности / под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2011. С. 30.

³ По делу о проверке конституционности части первой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Калугарова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 5-П. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁴ Ермакова О.В. Проблемы определения момента окончания мошенничества и его видов: учеб. пособие. Барнаул, 2015. С. 21.

Хотя отрицать совокупное вменение обоих способов тоже нельзя. Например, виновный может вводить в заблуждение ранее знакомое лицо, используя доверительные отношения.

Особую сложность имеет установление способа в составе мошенничества, в частности, при отграничении данного преступления от гражданских правоотношений.

Например, достаточно сложно квалифицировать действия руководителя микрофинансовой организации, который заключил договор займа с потерпевшим на заведомо невыгодных условиях, в качестве мошенничества, поскольку даже написанный «нечитаемым шрифтом» текст нельзя признать обманом. Полагаем, что одним из вариантов привлечения к ответственности недобросовестных кредиторов выступает установление в качестве способа не обмана, а злоупотребления доверием, поскольку заемщик, обращаясь в официальную организацию, уверен в законности совершаемых действий.

Не ясна ситуация со способами совершения специальных видов мошенничества. В частности, в отдельных составах, предусмотренных ст. 159.1-159.6 УК РФ, законодатель оговаривает данный признак в диспозиции статьи. К примеру, в ст. 159.1 УК РФ содержится указание на предоставление заведомо ложных или недостоверных сведений, т.е. фактически аналогично приведенному постановлению Конституционного Суда РФ понятие обмана законодатель ограничивает активной его разновидностью. В статье 159.2 УК РФ представлен расширенный вариант способа – это не только сообщение сведений, но и умолчание данных. Для описания состава мошенничества с использованием электронных средств платежа вообще используется простая диспозиция, называющая деяние, но не раскрывающая признаков. Для состава преступления, предусмотренного ст. 159.5 УК РФ, характерен обман относительно определённых данных о событии или размере страхового возмещения. И, наконец, наибольшим перечнем способов отличается состав мошенничества в сфере компьютерной информации. При этом указанные в ст. 159.6 УК РФ способы отличны от обмана и злоупотребления доверием. Это способы в виде ввода, модификации, удаления, блокирования информации либо вмешательства в работу информационно-телекоммуникационных сетей.

Очевидно, что законодатель при конструировании специальных видов мошенничества закрепляет способы, отличные от общего состава (ст. 159 УК РФ). Возникает вопрос: необходимо ли при квалификации специальных видов устанавливать еще и общие способы, и вообще могут ли эти способы иметь место в ст. 159.1-159.6 УК РФ?

Решение поставленного вопроса имеет принципиальное значение для отграничения мошенничества и кражи, совершенной в отношении электронных денежных средств.

К примеру, если виновный рассчитывается в магазине похищенной банковской картой, данные действия могут быть квалифицированы по п. «г» ч. 3 ст. 158 или по ст. 159.3 УК РФ. При этом для выбора статьи решающее значение имеет как раз толкование способов преступлений. В частности, при выводе о том, что обман или злоупотребление доверием характерны только для общего состава мошенничества и не распространяются на его разновидности, отсутствие указания в ст. 159.3 УК РФ на какие-либо способы не исключает применение в этом случае данной нормы.

Иной вывод будет иметь место при утверждении относительно обязательности обмана или злоупотребления доверием для всех видов мошенничества. Поскольку в приведенном примере указанные способы не применялись, то действия должны квалифицироваться по ст. 158 УК РФ.

Полагаем, что использование в ст. 159.1-159.6 УК РФ понятия «мошенничество» предопределяет распространение всех признаков общей нормы на все иные разновидности. При этом каждый из таких видов может дополнительно наделяться и иными признаками состава преступления, в т.ч. и способами. Поэтому считаем необходимым во всех составах мошенничества устанавливать наличие обмана или злоупотребления доверием.

В связи с изложенным законодателю следует детально описывать характеристику способа совершения преступления в диспозиции статьи Особенной части УК РФ, поскольку от этого зависит правильность квалификации и назначения наказания.

Временной отрезок в действующем уголовном законе употребляется в двух смыслах:

1. Продолжительность (длительность), которая может в законе не иметь точного обозначения, например дезертирство (ст. 338 УК РФ).
2. Определенный период времени, в который происходит что-либо, например во время родов (ст. 106 УК РФ).

При этом особое значение временной фактор имеет при создании длящихся преступлений, сопряженных с длительным бездействием. В зависимости от конкретизации длительности срока бездействия все длящиеся преступления можно разделить на две группы: а) ограниченные в законе определенным сроком (самовольное оставление части или места службы (ст. 337 УК РФ)); б) законодательно не связанные с каким-либо сроком (укрывательство, уклонение от уплаты алиментов и др.).

Место употребляется в российском законе в трех аспектах:

1. Деяние совершается в определенном месте (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ).
2. Оставление какого-либо места (ст. 313, 337 УК РФ).
3. Посягательство на определенное место (ст. 323 УК РФ).

Признаки общего субъекта преступления не указываются в конкретном составе преступления, да и в этом нет необходимости, поскольку они идентичны для всех разновидностей. В связи с этим выглядит правильным решение законодателя закрепить признаки общего субъекта в Общей части УК РФ.

Иная ситуация со специальным субъектом преступления, указание на который может иметь место только в конкретном составе преступления.

Аналогично другим признакам состава возможно прямое отражение специального субъекта в диспозиции статьи либо определение его признаков путем толкования¹. К примеру, в составе незаконного привлечения к уголовной ответственности или незаконного возбуждения уголовного дела (ст. 299 УК РФ) признаки специального субъекта вытекают из анализа совершаемого действия – привлечения, которое может осуществить только следователь и дознаватель путем вынесения соответствующего акта.

Признаки специального субъекта могут растворяться в характеристике субъективной стороны (например, чтобы решить вопрос о том, была ли допущена небрежность, необходимо проанализировать данные личности и ее обязанности действовать).

«Опосредованное» отражение признаков специального субъекта используется в составах с административной преюдицией, содержащих общую формулировку – «совершенное лицом, имеющим административное наказание» (ст. 158.1, 264.1 УК РФ и т.д.). В связи с неясностью конкретных временных периодов, в соответствии с которыми лицо привлекается к административной ответственности, возможности уче-

¹ Ю.В. Тарасова указывает на то, что отражение признаков специального субъекта распространено путем использования законодателем бланкетной диспозиции. См.: Тарасова Ю.В. Специальный субъект преступления и его значение в уголовном праве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2006. С. 8. Соглашаясь с данным утверждением, отметим, что в ряде случаев наличие бланкетной диспозиции сопровождается конкретным описанием признаков специального субъекта (например, состав нарушения требований охраны труда (ст. 143 УК РФ), нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ) и т.д.).

та наказаний, налагавшихся до введения нормы уголовного закона¹, в научной литературе предлагается отражать особенности признаков специального субъекта в самом УК РФ.

По способу своего отражения в нормах закона специальный субъект требует указания на признаки положительного или отрицательного характера. Например, в ст. 123 УК РФ специальный субъект – это лицо, не имеющее образования соответствующего профиля.

Правило полноты описания относится и к субъективной стороне преступления, и в частности, к такому ее признаку, как вина. Это исходит из принципа вины, провозглашенного в ст. 5 УК РФ.

В ряде составов законодатель прямо указывает, какая форма вины необходима. Например, в ст. 105 УК РФ предусматривается только умышленное причинение смерти, в ст. 109 УК РФ – по неосторожности.

Однако в большинстве норм Особенной части УК РФ нет ответа на вопрос, какая форма вины необходима для наличия данного состава преступления. Безусловно, умолчание закона о форме вины не снимает вопроса об определении ее разновидности и требует наиболее тщательного выяснения мысли законодателя.

Иногда законодатель дает указание на умышленную форму вины при помощи мотива или цели, либо вводя в число обязательных признаков заведомости действий. А в ряде случаев форма вины вытекает из самого действия (бездействия). Например, термин «хищение» предполагает изъятие чужого имущества, которое неосторожно осуществить нельзя.

Вместе с тем остается большое число норм, которые не содержат прямого или косвенного указания на форму вины. Например, в составе доведения до самоубийства разновидность вины вызывает споры уже не одно десятилетие.

М.И. Ковалев полагал, что нет необходимости упоминать в диспозиции формы вины, если преступление может быть совершено в любой ее форме². Данное утверждение обладает несомненной ценностью в том случае, когда в каждом составе законодателем определена разновидность вины. В уголовном же законе такое указание в большинстве случаев отсутствует, однако не всегда это означает возможность совершения деяния с любой формой.

¹ Проблема обратной силы применительно к составу преступления, предусмотренному ст. 264.1 УК РФ, рассматривается в работе С.В. Алексеевой. См.: Алексеева С.В. Актуальные проблемы законодательной регламентации признаков специального субъекта преступления в Уголовном кодексе РФ // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 11. С. 3791-3795.

² См.: Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987. С. 72.

Полагаем, необходимо устранить неточность в понимании возможной формы вины при моделировании состава преступления, что возможно только путем прямого отражения ее разновидности в норме закона¹. При этом, наряду с виной, мотивы и цели, включаемые в число обязательных признаков, должны получать только прямое закрепление в конструкции состава. Это позволит не только избежать ошибок в квалификации, но и разграничить смежные деяния между собой, а также решить многие вопросы толкования признаков состава преступления.

2.2. Проблемы квалификации преступлений, связанные с нарушением правил юридического выражения признаков состава преступления

Анализ Особенной части УК РФ позволяет выявить и представить обобщенный перечень тех проблем толкования признаков конкретных составов, которые имеют место вследствие нарушения правил юридического выражения состава в нормах закона.

1. Несоблюдение требования единства понятий и терминов, обозначающих преступный вред, выражается в одновременном использовании в рамках одной главы 21 УК РФ понятий «ущерб» и «размер». Так, например, в ст. 167 УК РФ законодатель указывает на значительный ущерб, а в ст. 168 УК РФ – на крупный размер. В рамках ст. 165 УК РФ в ч. 1 говорится об имущественном ущербе, в ч. 2 – о деянии, совершенном в крупном размере, а в ч. 3 – о деянии, причинившем особо крупный ущерб. Соответственно, возникает вопрос о соотношении двух названных правовых понятий применительно к преступлениям против собственности.

Как верно отмечает И.Г. Шевченко, размер и ущерб – это родственные юридические понятия, посредством которых описываются объективные признаки соответствующих посягательств². Но полностью отождествлять их нельзя. Размер характеризует предмет преступления, понятием ущерба в законе описываются последствия. В преступлениях против собственности эти величины в основном совпадают. Например, ущерб от хищения определяется стоимостью изъятого имущества как предмета преступления. Однако есть преступления, в составы которых

¹ На необходимость четкого указания на форму вины в норме закона указывает С.В. Сляров. См.: Сляров С.В. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 11.

² Шевченко И.Г. Уничтожение и повреждение имущества в уголовном праве России: эволюция норм: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. С. 120.

предмет не входит (ст. 165 УК РФ). Поэтому в части использования указанных терминов должна быть некая унификация, исключая их одновременное употребление и смешение.

2. Использование для юридического выражения деяния понятийного аппарата других отраслей права¹.

Безусловно, законодатель в рамках кодифицированного акта, каким и является УК РФ, не может разработать собственную терминологию, поэтому неудивительным выглядит заимствование понятий из других наук.

Однако проблема толкования возникает не в силу такой рецепции, а вследствие отсутствия четкого понимания данного понятия в «материнской» отрасли права либо наделения в уголовном законе его содержания новым смыслом.

К примеру, понятие «жилище», используемое для описания объективной стороны в составе преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ, законодатель раскрывает в примечании к данной статье, игнорируя положения Жилищного кодекса РФ.

В частности, согласно ст. 15 ЖК РФ жилым признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для *постоянного* проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства).

В свою очередь, понятие, предложенное в уголовном законе, расширяет границы данного определения за счет следующих моментов: во-первых, к жилищу относится не только недвижимое, входящее в жилищный фонд, но и иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенное для временного проживания. И наконец, в трактовке, представленной уголовным законом, вообще не упоминается про соответствие этого помещения каким-либо правилам и нормам.

В результате включения в УК РФ собственной уголовно-правовой характеристики жилища федеральные законы, обладающие равной юридической силой, стали содержать противоречащие друг другу нормы.

Естественно, можно утверждать, что приоритет в определении рамок преступного за нормами УК РФ, однако единообразие нормативного материала все же должно иметь место. К тому же само понятие, предложенное в уголовном законе, не отличается четкостью представленных предписаний. Это явно прослеживается в той части понимания

¹ См.: Пронина М.П. Юридическая техника в уголовном законодательстве: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 40.

жилища, которая касается иного помещения для временного проживания, не входящего в жилищный фонд.

Не решает вопрос относительно понимания жилища и Пленум Верховного Суда РФ, поскольку отдельно по ст. 139 УК РФ такие разъяснения вообще отсутствуют, а постановление от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» в п. 18 отсылает к норме УК РФ.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46, посвященном отдельным преступлениям против конституционных прав и свобод, к уже обозначенному добавляется следующее: «Не может быть квалифицировано по указанной статье незаконное проникновение, в частности, в помещения, строения, структурно обособленные от индивидуального жилого дома (сарай, баню, гараж и т.п.), если они не были специально приспособлены, оборудованы для проживания; в помещения, предназначенные только для временного нахождения, а не проживания в них (купе поезда, каюту судна и т.п.)». В этой части важно подчеркнуть мнение Верховного Суда РФ о том, что не исключается признание бани, сарая и иных мест жилищем в том случае, если они оборудованы для проживания. По нашему мнению, подобная трактовка еще больше расширяет границы уголовно-правовой нормы и выглядит недостаточно обоснованной, т.к. функциональное предназначение указанных помещений, строений – не для проживания людей.

Судебная практика различных регионов РФ не отличается единообразием. В частности, было изучено 136 приговоров по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ и 57 решений по ст. 139 УК РФ, опубликованных на сайтах судов субъектов РФ. При квалификации по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ жилищем признавались бани, дачные домики, передвижные вагоны, кабины грузовых автомобилей и т.д. (такие виды имели место в 43 приговорах, 31,6%); в свою очередь, ст. 139 УК РФ применялась в своей основе при незаконном проникновении в индивидуальные жилые дома либо в помещение, входящее в жилищный фонд (53 приговора, 93%). Только в четырех приговорах незаконное проникновение в иное помещение (дачу) квалифицировано по ст. 139 УК РФ (7%). Очевидно, что судебная практика при вменении п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ в части признания разнообразных помещений жилищем отличается большим разнообразием в сравнении со случаями квалификации по ст. 139 УК РФ.

При этом в тех приговорах, в которых к жилищу относились иные помещения, не входящие в жилищный фонд, отсутствует обоснование пригодности данного места для временного проживания. Суды ограничиваются общей формулировкой «иное помещение, в котором временно

проживает потерпевший»¹. А в отдельных приговорах вообще не конкретизирована разновидность жилища (индивидуальный дом, помещение, входящее в жилищный фонд, или иное, пригодное для временного проживания)².

Полагаем, необходимо привести предложенное в уголовном законе содержание понятия жилища в соответствие с иными законодательными актами. В приговорах же следует конкретизировать, о какой разновидности жилища идет речь, с обоснованием представленных выводов.

Не отличается ясностью предложенной уголовно-правовой трактовки понятие «компьютерная информация» (примечание 1 к ст. 272 УК РФ), относящееся к техническим наукам. Предложенная дефиниция ограничивает форму передачи информации только электрическими сигналами, хотя современные достижения техники и электроники свидетельствуют об активном использовании радиоканалов, оптоволоконных линий, магнитных и оптических носителей информации³.

Аналогично нельзя поддержать использование в ст. 127¹ УК РФ гражданско-правового понятия сделки, имеющего законную правовую природу. Использование данного термина применительно к неправомерному действию противоречит гражданскому законодательству⁴. Представленный перечень примеров использования в уголовном законе терминологии иных наук может быть продолжен путем анализа каждого состава преступления.

3. Описание признаков в нормах уголовного закона во многих случаях сопровождается использованием оценочных понятий.

Оценочные понятия определяются в теории уголовного права как понятия, используемые законодателем при конструировании уголовно-правовой нормы с открытой структурой, содержание которых не опре-

¹ Архив Зеленогорского районного суда г. Санкт-Петербурга. Д. № 1-46/2020. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/551173> (дата обращения: 10.05.2023).

² См.: Архив Новосибирского районного суда Новосибирской области. Д. № 1-28/2017. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/544526>; Архив Аксубаевского районного суда Республики Татарстан. Д. № 1-69/2019. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/201426> (дата обращения: 10.05.2023).

³ См.: Мазуренко А.П. Преступления в сфере компьютерной информации: технический взгляд на квалификацию и признаки состава преступления // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 3 (9). С. 123-125.

⁴ См.: Пархоменко С.В., Колесникова Д.Ю. Объективная сторона торговли людьми: проблемы правовой регламентации // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран. Иркутск, 2019. С. 337-343; Полторацкий Н.А. Осуществление торговли людьми посредством совершения купли-продажи человека: взаимосвязь с гражданским законодательством и некоторые проблемы квалификации // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития. М., 2020. С. 52-56.

делено в законе с достаточной степенью понимания для правоприменителя¹.

В ряде статей Особенной части оценочные понятия, используемые для описания характера и размера вреда, могут разъясняться законодателем (например, понятие «значительного ущерба гражданину» закрепляется в примечании 2 к ст. 158 УК РФ), но в большинстве случаев такие толкования в уголовном законе отсутствуют.

Например, момент окончания состава злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и еще ряда составов преступлений против государственной власти определяется посредством такого оценочного понятия, как «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства».

Несмотря на то, что разъяснения данного понятия приводятся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий», его толкование вызывает сложности не только в науке уголовного права, но и в правоприменительной деятельности.

Неопределенность преступных последствий составов преступлений, предусмотренных ст. 285, 286 УК РФ, признается и Конституционным Судом РФ, однако, по его мнению, «*оно не является настолько неопределенным, чтобы препятствовать единообразному пониманию и применению соответствующих законоположений*» (курсив наш. – О.Е.)².

Не вступая в дискуссию относительно определенности (неопределенности) понятия существенного нарушения, следует констатировать, что проблемы его толкования имеют место.

Так, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор, прекратив производство по уголовному делу за отсутствием в деянии состава преступления, поскольку «переименование улицы в селе не повлекло существенного нарушения прав и законных интересов граждан, охраняемых интересов общества и государства

¹ См.: Коробец Б.Н. Оценочные понятия в российском уголовном праве: социальная обусловленность и юридическая сущность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 9.

² Определение Конституционного Суда РФ от 23 марта 2010 г. № 368-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и наступления каких-либо последствий, связанных с причинением морального, физического или имущественного вреда личности»¹.

Сложность установления преступных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства заключается в том, что по каждому уголовному делу необходимо не только указание на конкретные права, гарантированные общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией РФ, но еще и оценку их нарушения как существенного.

Вместе с тем судебные органы зачастую ограничиваются простой констатацией существенного нарушения прав (такое указание на последствия имело место в 7 приговорах из 36 включенных в выборку, что составляет 19,4%) либо «механически» цитированием формулировки преступных последствий, предложенной законодателем (4 приговора, 11,1%). И даже когда в приговоре содержится мотивированное описание преступных последствий, не всегда представленные формулировки отличаются юридической грамотностью (например, «повлекло существенное нарушение охраняемых законом интересов как юридического лица»², «подорвала авторитет»³ и т.д.).

Особые сложности в правоприменении возникают в тех случаях, когда и основной и квалифицированный состав конструируется по типу материального с регламентацией момента окончания при помощи оценочных понятий. Конструкция состава превышения должностных полномочий также уникальна тем, что, помимо оценочного отражения преступных последствий в основном составе, в квалифицированном составе (п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ) закрепляются также тяжкие последствия, не имеющие четких критериев определения. В результате для вменения п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ правоприменителям следует установить два оценочных понятия – существенное нарушение прав и тяжкие последствия, при этом указав обоснование принятого решения относительно каждого из них.

Так, суд признал действия З., которые выразились в незаконном привлечении гражданина М. к уголовной ответственности, повлекшими причинение тяжких последствий. Вместе с тем Президиум Ярославско-

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.02.2013 № 21-Д12-8 (Извлечение) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8. С. 33-36.

² URL: <https://rospravosudie.com/court-nizhegorodskij-garnizonnyj-voennyj-sud-nizhegorodskaya-oblast-s/act-554707549/> (дата обращения: 10.05.2023).

³ URL: <https://rospravosudie.com/court-enotaevskij-rajonnyj-sud-astraxanskaya-oblast-s/act-554491392/> (дата обращения: 10.05.2023).

го областного суда указал на отсутствие установленных последствий, которые относятся к числу тяжких, а не просто существенных¹.

Представляется, что использование подобного сочетания в виде совокупности оценочных понятий, не обладающих четким содержанием, нельзя признать удачным.

Тяжкие последствия перечисляются Верховным Судом РФ в постановлении от 16 октября 2009 г. № 19 в виде открытого примерного перечня (п. 21). При этом их характеристика может связываться с материальным и нематериальным содержанием.

В.К. Андрианов указывает, что правоохранительными органами не всегда выполняются рекомендации п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19². Следует не согласиться с подобным утверждением автора, поскольку перечень, представленный в п. 21, не исчерпывающий, следовательно, имеет примерный характер и разработан с целью ориентирования правоприменителей относительно качественной и количественной характеристики таких последствий. Однако при вменении п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ следует обосновать признание последствий не просто существенными, а тяжкими.

При квалификации превышения должностных полномочий достаточно сложной выступает проблема, какой размер имущественного вреда как разновидности материальных последствий следует относить к числу тяжких.

К примеру, суд первой инстанции признал главу местного самоуправления виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Суд установил причинение материального ущерба в размере 66 052 537 рублей, которые были выделены из бюджетов РФ, субъектов РФ и муниципального образования. Данный приговор был изменен Пермским краевым судом. В принятом решении указывается на отсутствие в приговоре, вынесенном судом первой инстанции, обоснования признания в качестве тяжких последствий материального ущерба, наступившего после совершенного преступления. Следовательно, в действиях осужденного нельзя усмотреть квалифицирую-

¹ Постановление Президиума Ярославского областного суда от 15.05.2013 № 44у-123-2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Андрианов В.К. Некоторые вопросы квалификации преступлений, связанных со злоупотреблением должностными полномочиями и превышением должностных полномочий // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 3. С. 216-222.

щий признак превышения должностных полномочий с причинением тяжких последствий¹.

Считаем необходимым закрепить границы материального ущерба либо в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19, либо в уголовном законе. На целесообразность конкретизации размера последствий в диспозиции ст. 286 УК РФ указывается в научной литературе. Так, А.А. Ильин подчеркивает назревшую потребность в установлении причинения материального ущерба в качестве самостоятельного преступного последствия, т.к. применение состава халатности доказывает эффективность такой практики².

По мнению И.А. Архиповича, законодателю следует закрепить размер крупного и особо крупного ущерба в примечании к ст. 285 УК РФ, распространив его действие на ст. 286 и 293 УК РФ, с учетом характеристики существенного нарушения прав. Диспозиция ст. 286 УК РФ, по мнению автора, может выглядеть следующим образом: «Совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших за собой крупный или особо крупный ущерб или существенное нарушение прав и законных интересов физических лиц или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства»³.

В целом поддерживая мнения авторов относительно целесообразности выделения в качестве самостоятельных последствий материального ущерба, а также предложения о необходимости конкретизации преступных последствий, считаем необоснованным включение в качестве альтернативных разновидностей имущественного ущерба, отличающихся количественными показателями, поскольку в этом случае нарушается правило дифференциации уголовной ответственности.

Полагаем наиболее верным ограничение качественной характеристики существенного нарушения прав исключительно нематериальными последствиями с сохранением оценочного принципа их определения. В качестве самостоятельных последствий в составе превышения должностных полномочий следует предусмотреть разновидности материальных последствий в виде имущественного и физического вреда. При

¹ Апелляционное определение Пермского краевого суда от 25.01.2018 по делу № 22-277/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Ильин А.А. Превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): понятие, виды, вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности. М., 2014. С. 113.

³ Архипович И.А. Квалифицирующие признаки превышения должностных полномочий // Концепции и модели устойчивого инновационного развития общества. Уфа, 2020. С. 107-110.

этом, руководствуясь теорией дифференциации уголовной ответственности, законодателю необходимо соотнести общественную опасность каждого деяния с выделением соответствующих квалифицированных и особо квалифицированных составов. В целом законодателю можно рекомендовать ограничить использование конструкций, в которых признаки состава преступления находят юридическое выражение в оценочных понятиях. Особенно важно исключить одновременное использование оценочных понятий при описании деяния и последствий, а также их одновременное включение в основной и квалифицированный составы.

Аналогичная проблема с оценкой преступных последствий существует в составе самоуправства, в котором их юридическое выражение представлено в виде понятия «существенный вред». Данное описание нельзя признать удачным, поскольку отсутствует указание на качественную характеристику такого вреда, а количественный показатель определен через оценочное понятие (не разъясненное даже Пленумом Верховного Суда РФ).

Анализ судебной практики показывает, что в большинстве уголовных дел (97,7%) качественный показатель вреда в самоуправстве связывается с имущественным вредом (87 уголовных дел из 89 изученных). В единичных примерах существенный вред был усмотрен в нарушении конституционных прав граждан (1,1%)¹, лишении возможности заключить сделку (1,2%)².

При этом отсутствие количественного показателя вреда (особенно в части минимального размера) также дезорганизует судебную практику, расширяя границы судейского усмотрения.

Однако, исходя из того, что полностью отказаться от оценочных понятий невозможно, необходимо ограничить их использование следующими случаями:

- для описания размера «единого по содержанию вреда, когда для его определения установлено несколько критериев, один из которых является оценочным»;
- при описании вреда, который не имеет точных единиц измерения;
- для описания сложного последствия, включающего различные виды вреда³.

¹ Д. № 1-17/17. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-260-mirovogo-sudi-ximkinskogo-sudebnogo-raiona-moskovskoj-oblasti-s/act-238886839/> (дата обращения: 10.05.2023).

² Д. № 1-78/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-1-veselovskogo-raiona-rostovskoj-oblasti-s/act-233744736/> (дата обращения: 10.05.2023).

³ Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск, 1991. С. 115-117.

В иных случаях использование оценочных понятий следует признавать необоснованным. Например, для отражения преступного вреда в составе уничтожения или повреждения чужого имущества (ст. 167 УК РФ) закреплено оценочное понятие «значительный ущерб». Между тем особенности причиняемого ущерба (имущественный ущерб) и возможность его измерения свидетельствуют о необходимости конкретизации размера ущерба в денежном эквиваленте без использования оценочных критериев.

4. При отражении в уголовном законе преступного вреда используются и многозначные термины. Так, в ст. 165 УК РФ говорится об имущественном ущербе. В определении хищения в примечании 1 к ст. 158 УК РФ содержится упоминание об ущербе собственнику или иному владельцу имущества, под которым также подразумевается имущественный ущерб. Однако имущественный (материальный) ущерб в разных регулятивных отраслях права толкуется неодинаково. Так, в рамках гражданского права имущественный ущерб именуется убытками. При этом согласно ч. 2 ст. 15 ГК РФ под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Таким образом, в цивилистическом плане к имущественному ущербу относят и реальный ущерб, и упущенную выгоду. В Трудовом кодексе РФ под ущербом, подлежащим возмещению работником работодателю, понимается лишь реальный ущерб. В части 1 ст. 238 ТК РФ сказано: «Работник обязан возместить работодателю причиненный ему прямой действительный ущерб. Неполученные доходы (упущенная выгода) взысканию с работника не подлежат».

Уголовный кодекс РФ, используя понятие «имущественный ущерб», не содержит его разъяснения, что порождает дискуссии в научной литературе. Господствующей является точка зрения, согласно которой при хищении имущественный ущерб соответствует стоимости изъятого имущества, т.е. реальному (положительному) ущербу¹. Что касается ст. 165 УК РФ, где употребляется термин «имущественный ущерб», то большинство авторов включают в него также упущенную выгоду или только упущенную выгоду². А.В. Хабаров, возражая против

¹ Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 258; Адоевская О.А. Дифференциация ответственности за кражу по уголовному праву России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. С. 99.

² Панов Н.И. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Харьков, 1977. С. 54.

высказанной позиции, указывает, что такое толкование ущерба является произвольным¹. Исходя из этого, законодателю следовало бы уточнить значение термина «ущерб» применительно к хищениям и к преступлению, предусмотренному ст. 165 УК РФ.

5. Достаточно проблемным видится разъяснение преступных последствий не в самом уголовном законе, а в иных актах (в т.ч. и подзаконных). Например, в преступлениях против жизни и здоровья необходимо анализировать Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан» от 21.11.2011 № 343-ФЗ, в ст. 66 которого разделяются смерть мозга и биологическая смерть (хотя в научной литературе по убийству в большинстве случаев эти понятия используются как синонимы). Смерть мозга наступает при полном и необратимом прекращении всех его функций, регистрируемом при работающем сердце и искусственной вентиляции легких. А биологическая смерть человека устанавливается на основании наличия ранних и (или) поздних трупных изменений. Соответственно, исходя из представленных положений, для наличия последствий в виде смерти в составе убийства достаточно установить смерть мозга.

6. Неясность того вреда, который охватывается составом преступления, но не получает юридическое выражение.

По общему правилу вопросы включения того или иного объема вреда в состав преступления должны решаться на сопоставлении различных статей УК РФ (как диспозиций, так и санкций) либо различных частей одной и той же статьи.

Однако толкование указанных конструкций чаще всего оказывается дискуссионным, а высказываемые предложения противоречивыми, что приводит к расширению судейского усмотрения в правоприменительной деятельности. Например, в науке уголовного права неоднозначно решается вопрос о включении тяжкого вреда здоровью в состав применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ), сконструированного по типу формального состава с включением определенного объема вреда. Анализ 37 приговоров, вынесенных судами субъектов РФ по ст. 318 УК РФ, показал отсутствие единого подхода в квалификации. Так, в одних случаях суд ограничивается вменением ч. 2 ст. 318 УК РФ (21 приговор, 56,8%), а в других – применяет правила со-

¹ Хабаров А.В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 156-157.

вокупности преступлений, предусмотренных ст. 111 и ч. 2 ст. 318 УК РФ (16 приговоров, 43,2%)¹.

Аналогичный вопрос относительно объема вреда, включенного в состав преступления, возникает применительно к неисполнению обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ). Принимая во внимание, что обязательным признаком состава, предусмотренного ст. 156 УК РФ, выступает жестокое обращение, которое включает в себя насилие (физическое или психическое), его следует отнести к той разновидности формальных составов, которые, несмотря на установление момента окончания преступления на этапе совершения преступного деяния, охватывают отдельные разновидности преступных последствий.

Однако в науке уголовного права вопрос о квалификации последствий в виде вреда здоровью либо смерти, наступивших в результате жестокого обращения с несовершеннолетним, следует признать дискуссионным.

Отдельные ученые предлагают применение правил совокупности преступлений ко всем случаям наступления вреда здоровью в результате неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего².

Подобная квалификация встречается и в судебной практике. Так, мать, ненадлежаще исполняющая обязанности по воспитанию своей малолетней дочери, в один из дней нанесла не менее трех ударов по лицу и ягодицам, причинив, согласно экспертизе, легкий вред здоровью по признаку кратковременного расстройства здоровья. Суд квалифицировал действия матери по ст. 156 и 115 УК РФ (из проанализированных 62 приговоров, вынесенных судами субъектов РФ, применение правил совокупности ст. 156 и 115 УК РФ имело место в 11 преступлениях (17,7%), ст. 156 и 112 УК РФ – 13 преступлений (21%), ст. 156 и 111 УК РФ – 15 преступлений (24,2%), отсутствие вменения совокупности с причинением легкого и средней тяжести вреда здоровью (по тяжкому таким примеров не встречалось) – 23 преступления (37,1%))³.

Полагаем, подобные сложности в толковании объема вреда, охватываемого рамками формального состава преступления, могут быть ре-

¹ См.: Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула. Д. № 1-174/19; Архив Никулинского районного суда г. Москвы. Д. № 01-0243/2020. URL: <https://mosgorsud.ru>. (дата обращения: 10.05.2023).

² Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. М., 2015. Т. 1.

³ См.: Архив Лысковского районного суда Нижегородской области за 2011 г. Приговор от 28 февраля 2011 г.; Архив судебного участка № 120 Центрального района г. Волгограда. Д. № 1-17/2019. URL: <http://rospravosudie.com> (дата обращения: 10.05.2023).

шены путем легального толкования самого деяния, образующего объективную сторону.

7. Опосредованное указание на признак состава преступления путем его «размывания» в других признаках¹.

В этом случае существует сложность правильного установления обязательности признака, необходимости его доказывания в конкретно совершенном деянии, а также вопросы понимания его содержания. Например, в хулиганстве мотив прямо не обозначен. В научной же литературе указывается на обязательность хулиганского мотива. Отсутствие прямого закрепления мотива негативно сказывается на уяснении его содержания, в одних источниках представленного в широком варианте – как совершение преступления без повода, а в других источниках в узком – исключительно неуважение к обществу². Вот почему с целью нивелирования проблем в правоприменительной деятельности необходимо прямо указывать на избранный обязательный признак состава преступления в норме уголовного закона.

Отдельно следует указать на те составы преступлений, которые при отсутствии законодательного изменения уголовно-правовых норм получают в судебной практике новое значение.

На самом деле такая ситуация имеет место с составом угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Обязательным требованием выступает реальность угрозы, выражающаяся в опасении потерпевшего незамедлительного ее исполнения.

Правоприменительные органы толкуют уголовный закон в этой части чрезмерно узко, понимая под преступлением только такие угрозы, которые сопровождаются конкретными действиями (ударами, замахи-ваниями), применением орудий или предметов, при нахождении потерпевшего и виновного в одном месте.

Анализ 113 приговоров по ст. 119 УК РФ, опубликованных на официальных сайтах судов субъектов РФ, а также изучение материалов 34 уголовных дел данной категории, находящихся в производстве органов дознания отделов полиции по Железнодорожному и Центральному районам УМВД России по г. Барнаулу, показывает, что в 107 приговорах (94,7%) и 34 обвинительных актах (100%) правоприменительные органы детально акцентируют внимание на наличии оружия или предметов, используемых в качестве оружия, применимых при угрозе убий-

¹ М.А. Кауфман отмечает, что отсутствие ясного указания на признаки преступного деяния относится к пробелам в Особенной части УК. См.: Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 29.

² См.: Джекебаев У.С., Рахимов Т.Г., Судакова Р.Н. Мотивация преступления и уголовная ответственность. С. 134, 137.

ством, а также на «близость» нахождения виновного и потерпевшего¹; в 6 приговорах судом описывалось только наличие оружия (предметов).

В этой части следует привести оправдательный приговор по ст. 119 УК РФ, вынесенный по причине отсутствия данных о том, что А. не просто имел при себе предмет в виде штакетины, но еще и замахивался им². Полагаем, что подобная практика не соответствует предписаниям уголовного закона и требует изменения подхода к толкованию угроз в рамках ст. 119 УК РФ.

При таком подходе вне рамок данного преступления остаются угрозы, высказанные в сети Интернет посредством связи. Указанное положение не соответствует норме закона, поскольку диспозиция ст. 119 УК РФ не содержит ограничений в понимании реальности осуществления угрозы, а также дополнительных признаков в виде наличия оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Соответственно, наличие реальной конкретизированной угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, переданной посредством связи, не может препятствовать привлечению к уголовной ответственности по ст. 119 УК РФ. Если же лицо подкрепляет угрозу конкретными действиями, характер которых свидетельствует об умысле на причинение смерти или тяжкого вреда здоровью, то квалификация по ст. 119 УК РФ в этом случае вообще видится как неверная, поскольку такая направленность умысла должна влечь квалификацию по ст. 105 или 111 УК РФ соответственно, с указанием на стадию совершения деяния.

Кроме того, в ряде норм уголовного закона используются одинаковые понятия с наделением судебной практикой их разным содержанием. Например, понятие беспомощного состояния употребляется в п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Разъяснения его содержания приводятся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», в котором отдельной категорией беспомощных выделены малолетние. Вторая же категория определена абстрактной формулировкой «иные лица», к числу которых относятся не способные защитить себя или оказать сопротивление.

Применительно к ч. 1 ст. 131 и 132 УК РФ понятие беспомощного состояния входит в основной состав, а его установление позволяет привлекать к уголовной ответственности за половые преступления даже при отсутствии насилия.

¹ См.: Архив Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга. Д. № 293/2021; Архив Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга. Д. № 595/20. URL: <https://sud-praktika.ru> (дата обращения: 10.05.2023).

² См.: Архив мировых судей Левобережного судебного участка Биробиджанского судебного района. URL: <https://advokat-moskwa.ru> (дата обращения: 10.05.2023).

Анализ постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» свидетельствует об использовании более широкой формулировки понятия беспомощности. В частности, отдельное внимание уделено состоянию опьянения (п. 6), степень которого должна учитываться при решении данного вопроса.

Кроме того, по сравнению с постановлением 1999 г. № 1 несколько по-иному приведена дифференциация беспомощных лиц. В частности, отдельно выделяются три разновидности состояний, при наличии которых лицо не способно понимать значение совершаемых действий или оказать сопротивление: возраст, физические или психические состояния, иные обстоятельства.

Сравнение указанных разъяснений показывает следующие отличия:

- малолетний возраст хотя и входит в разновидность «беспомощного состояния», в толковании применительно к изнасилованию отдельно не выделяется. Полагаем, что упоминание малолетних в такой группе, как «возраст», более точное и верное, поскольку престарелые также относятся к беспомощным в силу возрастных особенностей;

- формулировка «не способные защитить себя или оказать сопротивление», по своей сути, содержит тавтологию и неудачна с точки зрения лексического значения применяемых слов, в связи с чем более логичным видится положение постановления 2014 г., разделившее «возможность сопротивляться» и «осознавать совершаемые с потерпевшим действия»;

- разъяснения понятия «беспомощность» применительно к изнасилованию явно оставляют перечень видов открытым, расширяя возможности судебного усмотрения.

Определяя содержание того или иного термина, закрепленного в уголовном законе, правоприменительные органы достаточно часто используют прием открытого перечня в толковании, поскольку это позволяет неопределенное число случаев подвести под действие уголовно-правовой нормы. Однако необходимо помнить, что такое толкование нельзя отнести к числу конкретных. Например, М.А. Безматерных, Н.В. Качина выделяют в качестве видов беспомощного состояния сон, как раз аргументируя собственную позицию открытостью перечня¹. А.Н. Попов считает возможным признавать беспомощным состоянием

¹ См.: Безматерных М.А., Качина Н.В. Совместное использование признаков «применение насилия» и «использование беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей)» при квалификации деяний, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12. С. 142-149.

те ситуации, когда мужчина путем обмана выдает себя за знакомого потерпевшей, вследствие чего она не оказывает сопротивления¹. Последняя точка зрения чрезмерно расширяет толкование беспомощного состояния. Обман не может выступать способом изнасилования, поскольку беспомощность – это только физиологическое состояние (физическое или психическое).

Применение же представленной расширенной трактовки беспомощности к убийству приведет к необоснованному вменению квалифицированного состава преступления и назначению наиболее строгих видов наказаний. В частности, если признать беспомощным не только физиологическое состояние человека, в силу которого он не может осознавать происходящее или оказывать сопротивление, то квалифицировать деяние по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ можно будет даже в случаях убийства из-за угла, со спины, когда потерпевший лишен возможности самозащиты. Такую практику однозначно нельзя признать обоснованной, поскольку каждое второе убийство совершается именно обозначенным способом и подобная ситуация не свидетельствует о повышенной общественной опасности деяния. В результате изложенного беспомощное состояние необходимо понимать как *физиологическое состояние*, при котором потерпевший (потерпевшая) не осознает совершаемых действий или не может оказать сопротивление.

Следует рассмотреть вопрос относительно возможности создания универсального понятия беспомощного состояния для различных видов преступлений. Безусловно, для унификации толкования норм уголовного закона единое понятие имеет несомненную ценность. Однако данный прием техники построения законодательного материала возможен только в том случае, когда содержательная составляющая беспомощности одинакова для всех преступных деяний.

В свою очередь, применительно к составам убийства и изнасилования наблюдается определенная специфика беспомощных состояний, проявляющаяся как раз в возрастных особенностях. Так, малолетние лица, не достигшие 14 лет, однозначно признаются беспомощными в убийстве в силу того, что они не могут сопротивляться наравне со взрослыми. В изнасиловании же возрастная граница, как уже отмечалось, определена в недостижении 12 лет в связи с невозможностью осознавать совершаемые действия. В силу данных различий в содержательной составляющей универсального понятия беспомощного состояния быть не может.

¹ См.: Попов А.Н. О новеллах в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Уголовное право. 2016. № 2. С. 72-78.

Отдельный интерес представляет вопрос относительно характеристики возрастной беспомощности. В процитированных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ в качестве беспомощных названы малолетние, т.е. лица, не достигшие 14 лет. Согласно же примечанию к ст. 131 УК РФ, возрастная граница беспомощности обозначена недостижением 12-летнего возраста, с указанием на то, что малолетние не способны понимать характер и значение совершаемых действий. Очевидно противоречие между законодательным толкованием понятия беспомощности и судебным. Принимая во внимание, что легальное толкование обладает большей юридической силой, необходимо внести изменения в постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Однако, помимо различий в возрасте лиц, признаваемых беспомощными, вызывает недоумение предложенная законодателем неразрывная связь между четкой возрастной границей до 12 лет и способностью осознавать характер и значение совершаемых действий. Полагаем, что четкой зависимости между возрастом и осознанием нет, а следовательно, рассмотрение возрастной беспомощности в качестве презумпции достаточно спорно. По нашему мнению, осознание сексуальных отношений имеет индивидуальный характер и должно устанавливаться только на основании проведения психолого-психиатрической экспертизы.

В связи с изложенным считаем необходимым признавать беспомощными только тех лиц, которые в силу возраста не способны осознавать характер совершаемых с ними действий. При этом возрастная граница не должна иметь приоритетного значения, а акцент необходимо перенести на психологическую составляющую.

Таким образом, только при соблюдении унифицированного правила прямого и четкого закрепления признака конкретного состава преступления в нормах Особенной части УК РФ возможно нивелировать проблемы толкования и правоприменения.

Заключение

Теория состава преступления имеет множество вопросов понимания элементов и признаков. В частности, наиболее сложным видится уяснение такого элемента, как объект преступления, поскольку в разных главах уголовного закона используются различные подходы к его определению (интерес, благо и т.д.). Отсутствует единство в толковании правовой природы преступных последствий.

Состав преступления по своей правовой природе является юридической конструкцией. Это устройство, модель общественно опасного деяния, выступающая средством юридического выражения преступления в нормах уголовного закона. Структурно он представляет собой сложное образование, состоящее из элементов и признаков. Наиболее сложным для уяснения элементом состава преступления выступает объект. Учитывая, что законодатель по-разному воспроизводит объект преступления в рамках УК РФ, следует определить единое представление относительно этого элемента состава преступления, в соответствии с которым и формировать нормативный материал. При этом концепция «объект – общественные отношения» в полной мере отражает сущность рассматриваемого элемента, соответствует характеристике деяния как явления социальной действительности, доступна для познания и пригодна для юридического выражения объекта в законе.

Предмет преступления конкретизирует объект, отражая размер причиненного вреда общественным отношениям. Однако указанная способность предмета проявляется не во всех преступлениях, именно поэтому данный признак состава относится к числу факультативных.

В тех преступлениях, в которых посягательство осуществляется на человека, юридическое значение приобретает потерпевший. Признаки, характеризующие личность потерпевшего, его поведение, состояние, могут включаться в конструкцию конкретного состава преступления, придавая этому признаку статус обязательного.

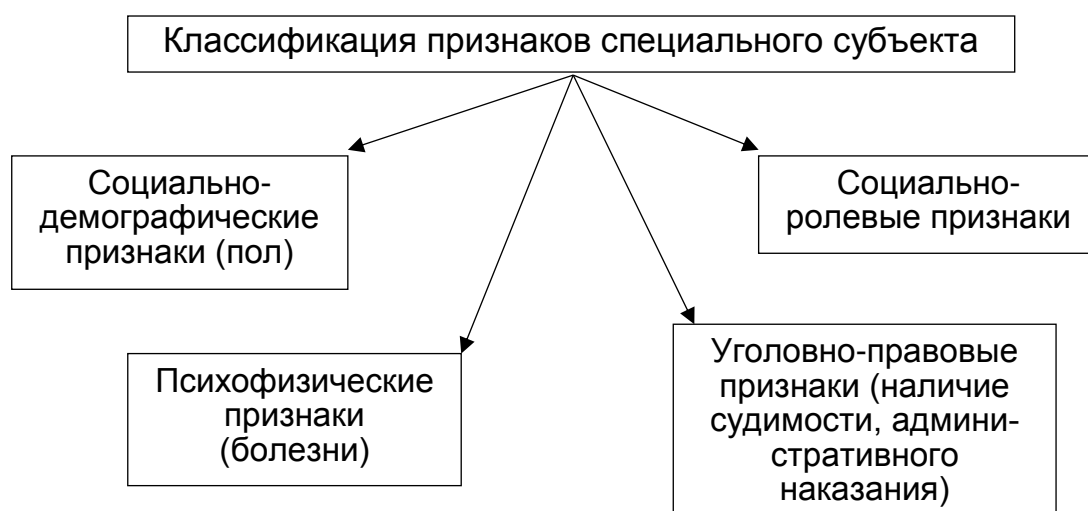
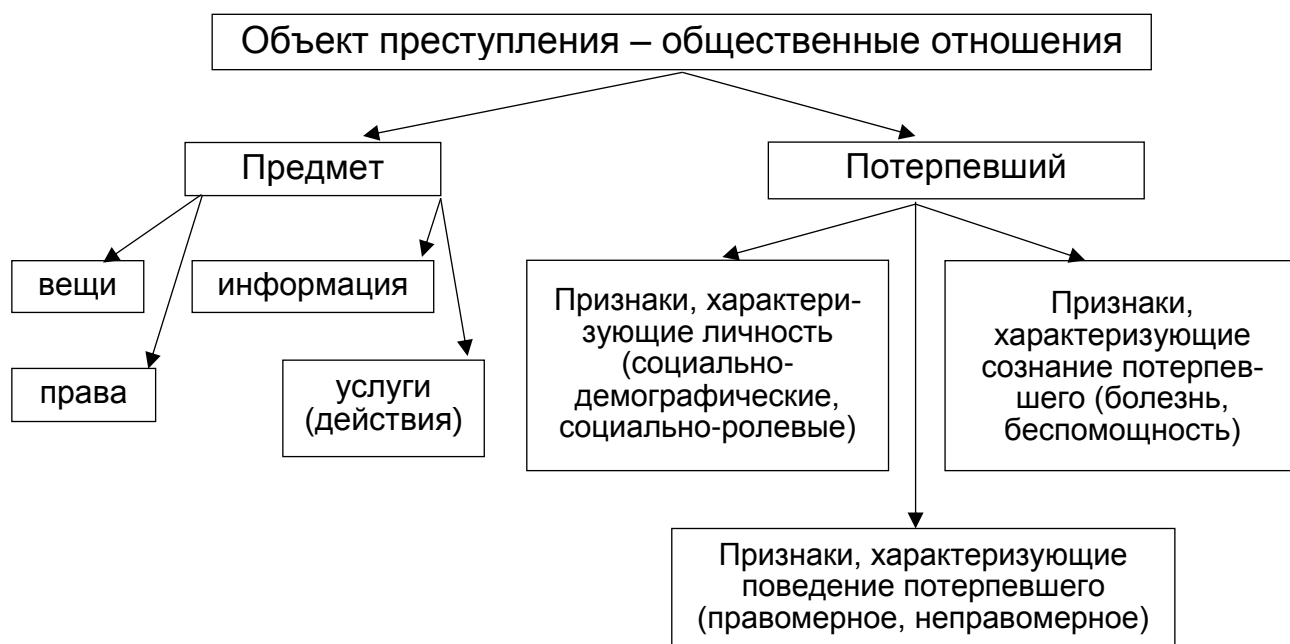
Объективная сторона преступления как элемент состава ограничивается узким пониманием деяния, означающим его внешнее проявление в форме действия, бездействия или их сочетания. Помимо деяния, признаком объективной стороны выступают преступные последствия, представляющие собой юридическое выражение преступного результата в виде вредных изменений общественных отношений. Включение данного признака в конструкцию состава – это право законодателя, вследствие чего возможно создание составов преступлений, в которых момент окончания перенесен на этапы планирования либо на начало совершения деяния.

Субъект преступления как лицо, его совершившее, помимо своего соответствия обязательным признакам, указанным в Общей части УК РФ, может быть наделен и дополнительными признаками в зависимости от социально-ролевой, социально-демографической характеристики лица, психофизических свойств и качеств, а также наличия судимости или административного наказания.

Субъективная сторона преступления иллюстрирует психическое отношение виновного, которое выступает отражением взаимодействия объективных условий и самой личности. Признаки субъективной стороны представлены виной, мотивом и целью. При этом эмоциональное состояние не является самостоятельным признаком, поскольку эмоции сопровождают психику человека, участвуя и в постановке цели, и в мотивационной сфере, соответственно, они неотделимы от других признаков субъективной стороны.

Моделирование состава преступления означает не только сам динамический процесс его создания, но и связывает образующую модель конструкции с оригиналом, в качестве которого выступает общественно опасное деяние. Моделирование выступает составной частью криминализации, а также всей правотворческой деятельности, при этом его содержание ограничено исключительно созданием конструкции состава преступления и ее отражением в нормах уголовного закона.

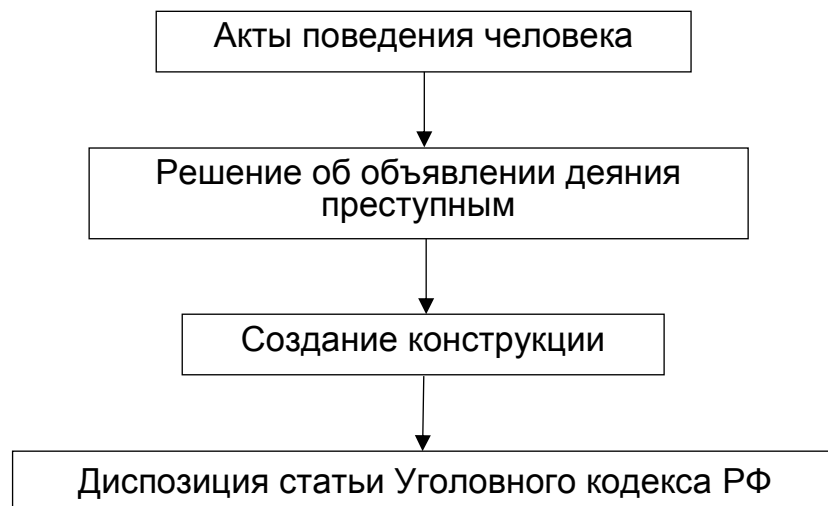
Объект преступления: характеристика обязательных и факультативных признаков

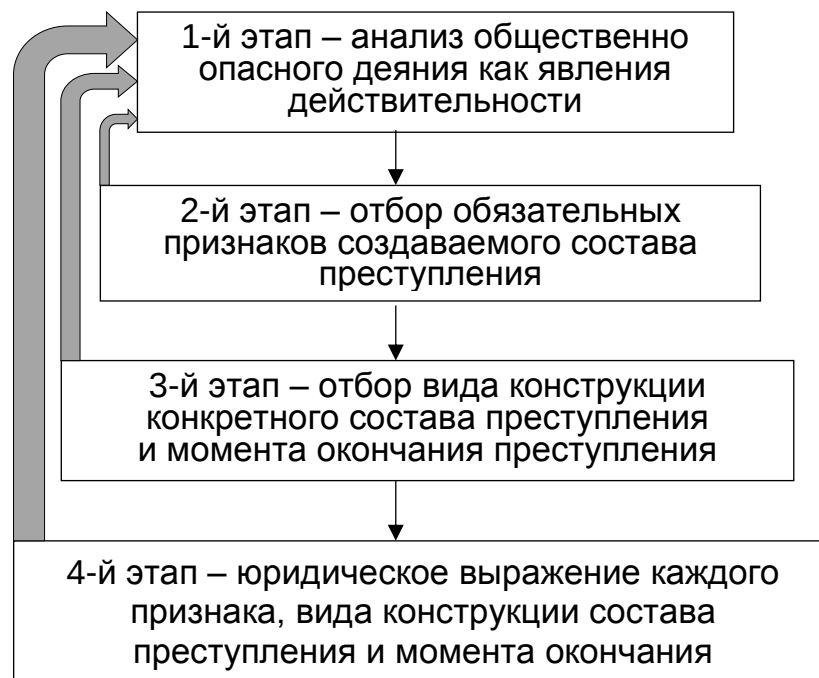
Виды составов оконченного преступления

**Процесс закрепления общественно опасного деяния
в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ**

Этапы моделирования состава преступления

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Конструкция состава преступления как средство криминализации общественно опасного деяния в уголовном законе и особенности ее построения и отражения в уголовном законе	4
1.1. Проблемы понимания состава преступления на современном этапе развития уголовно-правовой науки	4
1.2. Создание конкретного состава преступления: понятие, этапы, правила осуществления.....	31
Глава 2. Юридическое выражение обязательных признаков и вида конструкции конкретного состава преступления	39
2.1. Юридическое выражение объективных и субъективных признаков конкретного состава преступления.....	39
2.2. Проблемы квалификации преступлений, связанные с нарушением правил юридического выражения признаков состава преступления	67
Заключение	84
Приложения.....	86

Научное издание

Ермакова Ольга Владимировна

Теория моделирования состава преступления

Монография

Редактор	Ю.С. Жолобова
Корректурa, компьютерная верстка	М.В. Егерь
Дизайн обложки	О.А. Розум

Лицензия ЛР № 0221352 от 14.07.1999.

Лицензия Плр № 020109 от 15.07.1999.

Подписано в печать 03.07.2023. Формат 60x84/16.
Ризография. Усл. п.л. 5,7. Тираж 29 экз. Заказ 271.
Барнаульский юридический институт МВД России.
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49; бюи.мвд.рф.

